

84/2=632.1/6

A 285

АРЖАН АДАРОВ

ПУСТЬ ЖИВЕТ
КЕДР

Henry

АРЖАН АДАРОВ

ПУСТЬ ЖИВЕТ
КЕДР

Стихотворения и поэмы

Перевод с алтайского

Москва
1982

84(2-632.1/6-5

С(Сиб)

А28 5

599303 ✓

БУРА «Национальная
библиотека
имени М.В. Чевалкова»

Адаров Аржан

А28

Пусть живет кедр: Стихотворения и поэмы/ Пер. с алт. — М.: Современник, 1982. — 191 с., ил.

В вып. дан. авт.: Адаров Владимир Оинчинович.

Аржан Адаров хорошо известен читателям по публикациям в периодических изданиях и книгам, выходящим в Москве и на Алтае.

Лучшие стихотворения, баллады и поэмы А Адарова отмечены стремлением к глубоким философским раздумьям и обобщениям, отличаются яркостью и точностью поэтических образов, разнообразием интонаций, органическим сплавом гражданственности и лиризма.

А 4702070000 — 091 246 — 82
М106(03) — 82

ББК84 Алт.
С(Сиб)

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННОК», 1982 г.

07.05.2013

5-АА-ПНК-82

И БЛАГОДАРЕН СУДЬБЕ

ВЕЛИКОЕ КОЧЕВЬЕ

Мы кочевали тысячелетья,
Пересекали материки.
Где наша родина?
Чьи же мы дети,
Малые дети и старики?

Мы исчезали в песчаной метели.
Время дороги успело стереть:
Зоркие, вдаль мы, прищурясь, глядели,
Так и привыкли, прищурясь, смотреть.

Вечно в пути,
Мы в дороге родились.
Наши качалки — верблюжьи горбы,
Песни протяжные сами сложились
В долгих дорогах забытой судьбы.

Мы кочевали тысячелетья,
Пересекали материки.
От молчаливых анлов, где ветер
Полон отчаянья и тоски,

Шли от слепого, застывшего страха,
От колдовства безымянных веков.
Степи бескрайние — вот наша плаха,
Небо пустое — единственный кров.

Но позади это горькое время.
Сколько дорог затерялось вдали!
И не бродяги мы — новое племя, —
Родину мы навсегда обрели.

Гордые дети большого народа,
Мы поднялись для труда и борьбы.
В наших сердцах запекает свобода,
В наших глазах — свет высокой судьбы.

1966

МОИ НАРОД

Из дымных анлов, ущелий ревущих,
Из гор, в бесконечность без цели идущих,
Из рек светлоглазых, по камням бегущих,
Пришел мой народ.

Недвижное время над ним распласталось,
И выжила самая малая малость,
На струнах топшура¹ навеки осталась
Седая печаль.

И годы прошли, и растаяли годы.
Забылись наречья, исчезли народы.
Где высились горы, там плещутся воды.
Но жив мой народ!

¹ Топшур — национальный музыкальный инструмент.

* * *

Люблю в горах у костра прилечь
В час, когда взойдет луна,
И слушать неторопливую речь
Знакомого чабана.
Люблю смотреть на вершины гор —
Над ними звезды зажглись —
И слушать, как бормочет костер,
Как в бочонке бродит кумыс.
И так легко мне, и светел взгляд.
И так спокойна душа...
Но думы
Сердце мое теснят
И —

словно гроза пришла.

И гром грохочет из черных туч,
И молния сумрак рвет,
И я говорю: «Будь смел и могуч,
Маленький мой народ!
Быть робким нынче тебе не след,
Вставай, сумей побороть
Все то, что за тысячи рабских лет
Вошло в твою кровь и плоть.
Не наша доля — печаль и страх,
Наш удел не таков.
Вон как светят костры в горах —
Выше всех маяков!
Эй, костер, веселей гори,
Пусть видят Закат и Восход!
В полный голос теперь говори,
Мой молчаливый народ!»

1964

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Мой старый партийный билет!
Нас вместе ветра обжигали.
Мы вместе с тобой прошагали
Немало стремительных лет.

Со мной ты, партийный билет,
Дорогами отчего края
Шел, сердце мое согревая,
И сердцем ответно согрет.

Весь опыт борьбы и побед,
Что в сердце глубоко хранится, —
В твои он впитался страницы,
Мой старый партийный билет!

Прощай же!

Особенный свет
Сегодняшний день излучает:
Сегодня в горкоме вручают
Мне
новый партийный билет!

Сегодня идут в кабинет
Один за другим коммунисты:
Прорабы, врачи, трактористы.
Идет в черед их поэт.

Мой новый партийный билет!
Знакомые снова приметы:
Девиз коммунистов планеты
И ленинский четкий портрет.

Грядущего слышу привет!
И всюду по-прежнему с нами
Великого Ленина знамя,
Бессмертный немеркнущий свет...

1973

ЧЕЛОВЕК

Сколько лет мне сейчас?
Или, может, веков?
Я не знаю.
Не сочту, сколько раз
На земле зеленел, как весна, я,
Не сочту, сколько раз
Бронзовел я, как теплая осень,
И белел, как зима,
И рождался для будущих весен!

Помнит плоть моя смутно
Весь пройденный путь превращений:
Был я свежим листом,
Был я нежной травинкой весенней,
Был бегущей водой,
Был цветами алтайского лета
И в луче золотистом —
Горячими квантами света.

А душа чем была?
Над ущельями дымкой туманной,
Светом дальней звезды,
Материнскою песней гортанной,
Стоном ветра в горах
И в долинах ночной тишиною...

И теперь наконец
Это все называется
Мною.

Мнится мне, что глаза мои
Смотрят на мир не впервые:
Я уж видел и солнце,
И молний мечи огневые,
Был царем, был рабом
И прославленным был и забытым,
Строил — и разрушал,
Убивал я —
И падал убитым.

Заметали меня
Ураганы песчаные Гоби,
Ты найдешь мое имя
На плитах старинных надгробий,
Был развеян я в прах —
И опять поднимался из праха,
Звезд касался мечтой,
Ведал страх —
И не ведал я страха.

В недрах мозга глубоко,
Не высказанная словами,
Напластована память
Бесчисленных существований,
С каждым новым рождением
К ней добавлял я немного...
В безднах жизни и смерти
Моя пролежала дорога!

Был я грешен и свят,
Скотоводом и воином был я,
В голубой высоте
Разлетался космической пылью

И опять возрождался,
И новое чудо рожденья
Было мне всякий раз
Как от смутного сна пробужденье.

Вновь себя сознавал я,
Людские черты обретая,
Колыбель моя — Азия,
Вечные горы Алтая,
К справедливости, к правде
Я сердцем тянусь изначала,
Но, бывало, оно
Плохо правду и ложь различало...

Я склонялся над книгами,
Строчками полнил тетрадки,
Я стремился упрямо
Постичь вековые загадки,
Исполинское солнце
В свой час над горами вставало —
И не спавшим всю ночь
За работой меня заставляло.
И луна удивлялась:
— Откуда упорство такое?.. —
По природе, по крови
Я весь — отрицанье покоя!

Сколько лет мне сегодня?
Мне тридцать согласно анкете.
Но вернее сказать:
Много дольше живу я на свете,
Может, — тысячи лет,
Может быть, — миллион семизначный,
Я ровесник и небу,
И капле мгновенно-прозрачной.

Я наследую прошлoгo
Горечь, и гордость, и славу.
Годы предков моих —
Не мои разве годы по праву?
Подрастает мой сын,
Все, что надо, сумеет сберечь он.
Что мне возраст любой?
Я не стар и не молод:
Я — вечен.

1965

ПЛАНЕТА

Повиснув на солнечных нитях,
Летишь ты, мой шарик, в веках,
Весь — в песнях, колосьях, событиях,
Тревогах, мечтах, облаках.

Иду по тебе я, счастливый, —
И травы светлы от росы,
И рядом колышется нива,
Расставив антенны-усы.

Чему она чутко внимает,
Несчетный встречая рассвет?
Быть может, она принимает
Грядущего дальний привет?..

Мой шарик, родная планета,
Здесь. многие муки стерпя.
Мы вышли из сумерек — к свету —
И к звездам взлетели — с тебя!

И столько чудесных традиций
От солнца сумели зажечь...

Так мне ли тобой не гордиться,
Так мне ли тебя не беречь?

Но знаю: на дальнем просторе
Не только поет соловей:
Есть бедность, и голод, и горе.
И слезы — морей солоней.

И падают смелые люди
В сраженьях — во мня мечты...
Но все-таки нет и не будет
Планеты прекрасней, чем ты!

Надежда моя и отрада!
Мечтая, борясь и любя,
В походе стократ, если надо,
Паду я — и лягу в тебя,

Лишь только бы, в зелень одета,
Неправду и зло покарвав,
Летела бы к счастью планета,
Мой вечный, мой звездный корабль!

1962

АЛТАЙСКИЙ ЭСКАДРОН

*Памяти гвардии подполковника
М. С. Каташова*

Даурня, Даурня,
Ветра со всех сторон.
Шел под грозой и бурею
Алтайский эскадрон.

Вскипали дали выстрелами,
Звенели близи саблями,
Но кони были быстрыми,
А люди были храбрыми.
Стояли на горбатом
Амурском берегу
Алтайские ребята
Преградою врагу.
Сигнальною ракетой
Взрывалась тишина.
Вставала над планетою
Великая война.
Голов своих не гнули,
Шли в бой за край родной.
Под бомбами и пулями
Редел их строй стальной.
Осенней ночью хмурою,
От пуль заговорен,
Проходит по Даурии
Алтайский эскадрон...
Идет стальная конница,
И ветер знамя вьет,
И никогда не кончится
Бессмертный тот поход.

1965

ДУМЫ У ЧЕРНОГО МОРЯ

Так здравствуй, море! Синева сплошная,
От корабля широкий, пенный след...
Давным давно — я это с детства знаю —
Бродил вот здесь любимый мой поэт.

Он вдаль смотрел, где парус легкокрылый
Белел, стремясь к далеким берегам.
«Шуми, шуми, послушное ветрило», —
Звучало здесь впервые в такт шагам.

Здесь каждый день по горным тропкам диким,
Лелея в сердце дерзкие мечты,
Он шел к тебе. Он был, как ты, великим —
И лишь не мог свободным быть, как ты.

Здесь шли у вас беседа за беседой
О горестной, скитальческой судьбе..
Верни ж свой долг — и мне о нем поведай,
Как он сумел поведать о тебе!

1962

ГОРНАЯ РЕЧКА

Маленькая дочь родного края,
Ручеек, речушка — не река,
По камням ты прыгаешь, играя,
И, смеясь, щекочешь им бока.

Знай резвишься, будто дети в школе,
Шалости нехитрые творя..
Но послушай, речка: далеко ли
Ниточка дотянется твоя?

Малыми силенками своими
Победишь ли трудности в пути?
Пропадешь в песках — и даже имя
Так и не успеешь обрести..

И она в ответ прошелестела:
— Да, слаба я. Да, нелегко путь.
Но, поверь, совсем не в этом дело —
Ну-ка, стань внимательней чуть-чуть!

Там, где солнцем залита опушка,
Слышишь — тоже рокот меж камней:
Там спешит навстречу мне подружка,
Даст мне руку — вместе мы сильней!

Там, подальше, с гор несутся братья,
Озорной, решительный народ,
Заклучат при встрече нас в объятия
И закружат. И помчат вперед!

Разольемся вместе на просторе,
А потом, под звездами блестя,
Донесем, быть может, и до моря
Веточку, что бросил ты шутя!

Ну а ты — сказать я тоже вправе —
Ладен ты собою и высок,
Но мечты о подвигах и славе
Не уйдут ли попусту в песок?

Сможешь ли один, своею силой,
Одолеть препятствия в пути
Или сгинешь, слабый и бескрылый,
Имя не успевший обрести?..

Так шептала речка понемногу —
Или сам все это думал я?
...Нам пора в далекую дорогу.
В добрый час! Обнимемся, друзья!

В пути, как факел, поднимаю Слово —
Пусть светит в обе стороны оно:
Пусть озарит и глубину бывшего,
И то, что лишь настать еще должно!

Нам нужно знать и видеть все преграды,
Самих себя осмыслить и понять —
И я тянусь. Я чувствую: мне надо
Как можно выше факел свой поднять.

Пусть мне твердят: тебе по силам это?
Ведь с давних пор и вплоть до наших дней
Есть на земле великие поэты —
Их светочи, конечно, посильней.

И горный кряж, и тихие долины
Озарены их гением, а ты
Сумеешь ли достичь хоть половины
Их светлой и державной высоты?

Я соглашаюсь коротко: едва ли!
Но сердце говорит мне: освети,
Как малый костерок на перевале,
Хотя бы часть великого пути!

1978

509665

Ночью птицы глухо кричат.
Глухо гром вдалеке ворчит.
Ночью листья глухо шуршат,
Ночью сердце глухо стучит.

Я сижу и сбрую чиню.
Тих, бесшумен в костре огонь.
Наостривши уши, к чему
Ты прислушиваешься, мой конь?

Ты о чем лепечешь, вода,
В ручейке, не знающем сна?
Зайцем вспугнутым — ты куда
Мчишься сквозь облака, луна?

В мире все одушевлено:
И ручей, и кедр, и гора...
Мнится мне, что давным-давно
Я один сижу у костра.

Вечных гор величавый ряд,
Мнится, слушаю век подряд,
Как они молчат — говорят,
Что они молчат — говорят.

Говорят: крепче камня будь!
Говорят: глубже моря будь!
Всем ветрам подставляя грудь,
Землю отчую — не забудь.

Ночью птицы глухо кричат
И крылами глухо стучат,
А хребты говорят-молчат,
А хребты говорят-молчат...

1978

МОЕМУ МАЛЬЧИКУ

Мой мальчик, можешь только ты
В конце любого дня
От маеты и суеты
Излечивать меня.
Когда, измучен и устал,
Я прихожу домой —
Лишь ты поможешь, хоть и мал,
Веселый мальчик мой!

Всегда мне дороги до слез
Сиянье детских глаз,
И каждый умный твой вопрос,
И нежный твой приказ.
Того не зная, может быть.
Ты крылья даришь мне
И разрешение побыть,
Пожить в твоей стране.

Лишь только встречусь я с тобой —
И тает в сердце лед,
И расцветает голубой
Цветок — и я в полет
Опять готов, я вновь силен
С моей мечтой вдвоем,
И будет мной преодолен
Любой крутой подъем!
Как, раздумываясь, ты красив,
Когда с толпой друзей,
«Волшебный ящик» разбудив,
Кричишь: «Ура, хоккей!
Кто впереди? Какой там счет?»
Как властен зов трубы —
Тебя волнует и влечет
Живая страсть борьбы!

А то затихнешь над столом,
Губами шевеля:
Встает из книг наш общий дом —
Огромная Земля.
Есть на планете много стран,
Но лучше всех — одна,
Просторнее, чем океан,
Любимая страна!

Мы перед ней всегда в долгу —
До края, до черты...
Предугадать я не могу,
Кем станешь в жизни ты.
Быть может, самых золотых
Достигнешь в небе звезд,
А может быть, твой жребий тих,
Бесхитроsten и прост.

Но кем бы ты ни стал, какой
Ни выбрал в жизни путь —
Солдатской верностью мужской
Отчизне верен будь.

Когда тебя помчит ладья
По голубой реке,
Надежным, крепким стану я
Веслом в твоей руке.
Когда в пути, в лесу глухом
Привал устроишь свой —
Я обернусь пушистым мхом
И шелковой травой.

И сверх того еще один
Прошу у жизни дар:
Когда ты взрослым станешь, сын,
Пусть буду я не стар.

Под этим небом голубым
Успею, может быть,
Твоим соратником, твоим
Товарищем побыть!

1975

* * *

Когда я говорю: «О мой Алтай!» —
Мне эхо возвращает: «Мой алтарь».
Когда молчу, припав к твоим камням, —
Не небесам я кланяюсь — горам.
Когда в глазах слеза блеснет, светла,
Тебя вдали я вижу, Улала¹...
О, как чисты озера там, вдали,
Когда их покидают журавли!
Как снть туман над Табатоем² вдруг,
Когда уходят лебеди на юг!
И горы, молчаливы и ясны,
Глядят свои серебряные сны,
И кедры, кедры там, на склонах их,
И сладки слезы на глазах моих!
И лишь туман, как песня, голубой
Качается вдали передо мной.
И я у кедра старого молю:
«Скажи мне, где дорога в Улалу?»

..О, если б даже был изгнанник я
И все меня забыли бы друзья,
Далекий блеск вершин твоих, мой край,
Помог бы мне вернуться на Алтай!

¹ У л а л а — старое название Горно-Алтайска.

² Т а б а т о й — местность на Алтае.

И пусть дрожит в глазах моих слеза —
Она легка, как горная роса.
И пусть плывет туман передо мной,
Он точно крылья за моей спиной.
И запах можжевельника кругом —
Не дым ли он над отчим очагом?
Я знаю: здесь мой дом, я здесь рожден.
Я знаю: без меня пустует он.
И снова говорю я: «Мой Алтай».
И повторяет эхо: «Мой алтарь».
И я молчу, припав к твоим камням,
И кланяюсь горам, родным горам...

1967

ДУМЫ

Вот опять я молчу, одинокий и устал,
Будто горы держал, будто скалы таскал.
И морщины на лбу — словно складки тех гор,
Не ревнуй меня, милая, грустен твой взор.
Что такое со мной, не спрашивай ты.
Стали плечи мои, как Алтая хребты:
Шевельнусь — и обрушатся камни со скал.
И засыплет долины внезапный обвал
А глаза — как озера: мне страшно моргать.
Чтобы воды их светлые не расплескать.
Что такое со мной? Словно в землю я врос.
Головою коснулся мерцающих звезд.
А в груди — так рокочут вулканы в ночи —
Глубоко-глубоко где-то сердце стучит
О Алтай мой, Алтай, мне б увидеть разок
В млечных далях тропинки твоей волосок!
Все смотрю, все ищу: где ты там? как ты там?

Только больно глазам, непосильно глазам.
Точно в кряжистых кедрах таинственный ток,
В моих мускулах вешний колотится сок.
Только, легкий мой стих, что ж недолог твой
срок?

Быстровянувший, видно, взрастил я цветок.
Если б жизнь своей кровью мой стих налила,
Как гора, его строчка весома была.
Я кажусь себе кедром алтайским порой,
Что корнями могучими сросся с горой.
Гнет тяжелую ветвь созревающий плод,
И блестит на вершине нетающий лед..
И опять я молчу, одинокий и устал,
Будто горы держал, будто скаль держал.
Не кори меня, милая, грусть затая. —
Нелегка эта долгая дума моя.
Точно горы, безмолвно лежат на плечах
Те слова, что еще не сказал я в стихах
О тебе, мой Алтай, о тебе, мой народ.
Удержу ли его, созревающий плод?
Или вдруг надломлюсь и песками времен
Буду, всеми забытый, навек погребен?
И стихам, что под сердцем ношу я давно,
Им под пеплом молчанья лежать суждено?

1964

КОЧЕВНИКИ

Мы — кочевников племя. Нам — тысячи лет.
Жили мы на земле как недолгие гости.
Мы с травой уходили,
и белые кости
В молчаливых курганах —
наш единственный след.

О светлая Муза, взгляни на меня, —
Кочевник, бродяга, прошу ль я коня?
Дай Боль, чтобы ядом снедала меня,
Дай Слово, чтоб жгло горячее огня,
Дай Песню, чтоб раны людские целить,
О Муза, пришел я не славы просить.
Пусть годы мне света не видеть в трудах,
Пусть свечкой — не солнцем — затеплюсь в сердцах
О светлая Муза, прошу об одном —
Чтоб сердце твоим озарилось огнем!

1969

НА БЕРЕГУ ИША

Я прожитые годы
Разделил пополам —
Скинул двадцать,
И стало мне двадцать опять.
Ах, как сладко в груди!
Миражи давних лет окружили меня.
Словно был я убит
И начал опять оживать.
Вон черемуха в белом цвету —
Не черемуха — девушка в белом наряде
Раскинула шаль надо мной,
Волшебную белую шаль,
Наделенную силой
Воскрешения мертвых.
Вон журчащий в лесу родничок,

Весь студеный, прозрачный и чистый —
Он наполнен живою водой,
Он все шепчет мне тайну бессмертья.
А кукушка,
Совсем молодая кукушка,
Что сюда залетела из сказки,
Кукует, кукует, кукует,
И я понимать начинаю,
Что смерти конечно же нет.
Легок и строен мой стан!
Сил и желаний избыток.
Лето меня обнимает,
Зеленым прикрыв плащом.
Но теплый июньский дождь
Смывает с меня постепенно
Проклятья врагов и упреки друзей,
И гром мне как вздох облегченья...

Милый берег Иша
В самом деле в черемухе весь.
Соловьи опьянели от песен,
И на галечник донный луна
Улеглась, улыбаясь,
И слушает трели.
Уж не в честь ли мою
В самом деле поют соловьи!
«С днем рожденья!» — мне шепчет мой друг
И бокал поднимает с улыбкой.
«С днем рожденья!» — поют соловьи,
И сулят долголетье кукушки.

А всего-то и было —
Купались в реке при луне
И смеялись, как будто нам было по двадцать,
И верили: ждут нас счастливые годы.
Впрочем, в тягость ли жизнь!

Мы подставим плечо,
Если где-то споткнется товарищ.
Мы поднимем его,
Мы разделим с ним горе!
Только б вечер такой,
Только б так вот сидеть у реки,
Слушать хор соловьев,
Улыбаться их радости дружно.
Сбросить с плеч все печали
И отдать себя этой вог — нежной и чистой.
Чтобы стало опять двадцать лет,
Чтобы кружку родник наполнял,
Чтоб светила луна
И товарищ тебе улыбался.

1975

АРГОНАВТЫ

Может, манит и нас золотое руно?
Может, как аргонавт, ты покинул свой край?
Но не нам ли с тобой известно давно:
Не от слова ли «золото» слово «Алтай»?
Ищем вечное лето мы где-то порой.
Сколько гор обойдем,
Сколько бродим мы дней,
И бывает, совсем не заметим, мой друг,
Что кедровая ветка в долине родной
Отогрелась на солнце и стала длинней,
Что девчонка с глазами косули степной
Стала девушкой — сыщешь ли равную ей!
Что мы ищем с тобою в безвестном краю?
Сном каким растревожили душу свою?

Все равно и у ласковых самых морей
Снятся кедры зеленые, запах ветвей,
И, как те аргonautы с бесценным руном,
Мы в родные края до рассвета придем,
Видя сердцем родные улыбки людей, —
Только станут они и милей, и родней.
И священной любовь,
И бессильней слова,
Лишь покажется где-то за синью морской
Легендарной Сумер золотая глава!
И по-новому ярки цветы и трава.
В мире мало нас, очень нас мало, дружок,
Но как ярко пылает родной очажок!
И, однако, однако, опять за руном,
Точно те аргonautы, с тобой мы уйдем,
Но не с золотом чьим-то мешок привезем.
А с любовью к Алтаю
Вернемся в свой дом...

1974

ДЕРЕВЕНСКАЯ КУЗНИЦА

Усталый и потный, вернулся мой брат,
От горна под вечер пришел он домой.
Тяжелые руки недвижно лежат,
Сидит за столом, как железо, немой.
Он мастер железа, волшебник огня,
Он каждому нужен в деревне своей:
Ракеты к Венере летят, а коня
Какой институт подкует для людей?
С утра до заката весь день у него
Без усталости молог тяжелый взлетал —
Не в домне, а в маленьком горне его
Белеет и гнется послушный металл.

Крестьянская кузня, задымленный кров —
Не здесь ли берешь ты начало, прогресс?
Не вам ли, прапращуров новых цехов,
Мой предок молитву творил до небес?
Крепчала веками, крута и права,
Рабочего воля в труде и борьбе,
Пока зазвенели железом слова,
Чтоб ими Октябрь заявил о себе...
Ах, брат мой, тяжелые руки твои,
Они как баллада, как песня, как гимн.
О чем ты молчишь — говори, не таи,
Окутанный дымом табачным тугим?
Тверда и медлительна речь твоя, брат.
Слова точно гвозди — не вытянешь зря.
Они будто в пламени горна лежат,
Пока, золотые, не вынешь, даря.

1975

КАЙЧИ¹

Деревянный домишко совсем замело.
Лишь дымок над трубой — видно, в доме тепло.
Лишь окошко желто — видно, лампа темна,
Да на стеклах узоры — зима холодна.

Но хозяин не видит узор на стекле.
Кожу мять — это верно — удобней в тепле.
Дров подкинет и снова сидит у огня,
Слепоту свою словом недобрым кляня.

Жил скорняк в этом доме — бобыль бобылем,
Только старый топшур и остался при нем.

¹ К а й ч и — народный сказитель, певец.

Были б руки — овчина найдется всегда,
Без топшура остаться — вот это беда.

Не сыграешь — кто в гости заглянет к вдовцу,
А на песню соседи заходят к слепцу.
— Мы с работы. Ты спел бы нам песню, старик.
— Что ж, садитесь, — скучать Улагаш¹ не привык.

Где кайчи, там и песня. Где песня — друзья.
Ну-ка, дайте топшур, поиграю вам я.
Пока жив Улагаш, будут песни звенеть.
Ну, так что бы такое для сердца вам снеть?

И уже веселится огонь в очаге,
И топшур деревянный послушен в руке,
И забытую песню рокочет струна,
И, как давняя сказка, встает старина,

Древних витязей слава и подвиги их,
И любовь, и отвага героев былых,
И на лицах усталых, как отблеск огня,
Зажигается радость грядущего дня.

1967

* * *

Вот я белой бумаги достал из стола,
Вот позвал тишину, чтобы рядом была.
Что я людям скажу?
Что я в сердце ношу?
Что сегодня на этом листке напишу?

¹ Улагаш — Н. И. Улагашев, выдающийся алтайский поэт и сказитель.

Или облаком я над Алтаем моим
Проплыву — и растает серебряный дым?
И никто из людей не посмотрит мне вслед —
Не коснусь я их дум,
Не коснусь я их бед...
У алтайцев душа высока и чиста,
Как огонь Когутей¹,
Как пламя костра.
О Алтай мой, Алтай,
Не хочу тишины!
Я хочу, чтобы люди мне были слышны.
И столпились Алтайские горы кругом,
И зажглась Когутея прозрачным огнем,
И на лунной волне зазвучали в тиши
Звуки песен алтайских:
— Ты звал нас?
Пиши! —
И на белом листке, точно грань серебра,
Как сквозь белый туман, проступила гора,
И, как призрак, как тень в голубой тишине,
Черноокая Муза слетела ко мне.

1968

АЛЕКСЕЮ КАЛКИНУ

То не ветер ли гудящий
Пролетает над горами,
Над лесной ветвистой чащей,
Над полянами-коврами?

Или то звучит не ветер,
А певца волшебный голос?

¹ Когутея — Малая Медведица .

Весь мой сад ему ответил,
Тишь, как чаша, раскололась!

И шумит листва густая,
И слышны мне в колыханье
Песни конников Алтая,
Боевых коней дыханье.

Те бойцы давно в могиле,
И коней истлели шкуры,
Но бывшее пробудили
Струны вещие топшура.

Помнишь, Калкин, как мы пели
На поляне той зеленой,
Где над нами шелестели
Старцы-кедры мощной кроной?

Свет лила луна большая,
Заменяло небо крышу.
До сих пор, как проезжаю,
В том лесу я песню слышу.

Я не знаю, как случилось —
Или впрямь, тебе внимая,
У тебя тайга училась
Величавым звукам кая?

Калкин, вспомнится не раз нам,
Как тебе мы подпевали
На высоком и прекрасном
Ябоганском перевале.

Столько древнего, родного
Сохранили песни эти!

Слышу их — и верю снова:
Есть бессмертне на свете.

Пой, певец, не умолкая!
Пусть и в будущем столетье
От могучей песни кая
Заколышутся соцветья!

1978

Я — МАЙЯ

Что ж мне снятся пожары былые
В красном мареве дальней зари —
Пирамиды в дыму золотые,
Вековые в огне алтари?
Нет давно уж ни инков, ни майя¹,
Нет космических их городов, —
Кто ж мне шепчет, что я
Понимаю
Позабывшие знаки их слов?
Вы ушли, вы погибли, вы пали,
Жег вас порох, свинец вас косил.
Чужеземцы, они хохотали
У языческих ваших могил.
Сожжены и развеяны прахом
Золотые легенды веков.
Как цинично смеялись монахи
Над бессилием ваших богов!
Где он умер, последний из майя —
Жрец, провидец движенья светил?

¹ Инка, майя — индейское племя и индейский народ, создатели древнейших цивилизаций Америки.

На каком он костре, умирая,
Тайну предков с собой уносил?
На века, навсегда, в бесконечность,
От врагов, от друзей, от людей.
Почему же я вижу сквозь вечность
Дым костров, слышу ржанье коней?
Почему на вершинах Алтая
Он мне снится в дыму и огне,
Жрец последний из племени майя,
Простирающий руки ко мне?
Позади нас — курганы, курганы,
Конский след да кибитки в пыли.
Сквозь века,
Сквозь легенды,
Сквозь страны
Что с собою мы в мир принесли?
Нас никто не обидит, я знаю,
Хоть и мал ты числом, мой народ,
Только снится: я — майя, я — майя,
Обжигает мне руки восход.
Только снится: курган мой случайный,
Не унесший сокровищ с собой,
Изучают, как кечуа¹ тайну,
И лопаты звенят надо мной,
Как стихов моих блеклые строки
Кто-то бледной рукой достает...
Всходит солнце над пиком высоким.
Что скажу о тебе, мой народ?

1967

¹ Кечуа — индейское племя.

ВЕСНА

Вот опять из-за синих гор
К нам весна опустилась в дол. —
Словно песня, горячий взор.
Словно луг, зеленый подол.
Остановится ль у реки,
Взгляд задержит на облаках —
Вспыхнут маки и огоньки,
Эдельвейсы цветут в горах.
В сердце взглянет мое в пути —
Синий-синий, как небеса,
Колокольчик звенит в груди,
Будто утренняя роса...
Ах, весна, как прекрасен он,
Как понятен он мне без слов,
Вечный шелест твоих знамен,
Журавлей твоих трубный зов!
Все звенит кругом, все поет,
Молодеет мир — не узнать,
Только лет моих грустный счет
Не умешь ты обновлять.
Но придешь ты — и в сердце дрожь,
И душа опять молода,
Будто чуда какого ждешь,
Позабыв про свои дела.
Всякий рад тебе, млад и стар,
А особенно чабаны:
Столько в горы идет отар,
Будто тучи, стада видны.
Ах, весна моя, что со мной —
Все слова мои неясны.
Вон черемухам под луной,
Точно девушкам, снятся сны!

А в глазах твоих — синий свет,
А шаги твои так легки!
И смущенно молчит поэт,
И цветут в строке огоньки...

1975

ЛЕТО

Перевал знаменит
И ветрами омыт.
Там трава шелестит.
Ветер в кедрах шумит.
Ветер в кедрах шумит.
Ствол могучий скрипит.
С перевала летит
Звон копыт, звон копыт.

Долетели до нас
Голоса с вышины.
Там кочуют сейчас
Чабаны, чабаны.
Чабаны, чабаны —
С высотой дружны.
С наступленьем весны —
Все в горах чабаны!

Ветры в кедрах поют
И в зеленой листве.
И плывут, и плывут
Облака в синеве.
Облака в синеве —
И транзистор в траве.

Слышен шорох травы.
Слышен голос Москвы.

Ярких красок игра —
И антенны игла.
Мы сидим у костра.
Тихо ночь подошла.
Ты — алтайский чабан.
Я — алтайский поэт.
Шлем народам всех стран
Свой алтайский привет!

Приезжайте сюда
В гости, люди труда,
Где прекрасна всегда
Гор зубчатых гряда!
Будем вас угощать,
Сердце дружеством греть.
Будут песни звучать,
Будут звезды гореть.

Посветлеет — и тут
С голубой высоты
Звезды наземь падут,
Превратятся в цветы.
А стемнеет опять —
Вновь им в небо взлететь,
Снова звездами стать,
И сиять, и блеснуть!..

А пока мы вдвоём
С молодым чабаном
На Алтае своем,
На привале ночном.
Дивно лето в горах —
Кочевая пора!

На кедровых корнях
Мы сидим у костра.
Трубку держит рука,
В сердце зреет строка,
Вдаль плывут облака.
Ночь, как вздох, коротка...

1972

ОСЕНЬ

Осень бронзой звенит,
Огненный холм точно храм,
Желтые смотрят в зенит
Свечи осин по горам.
Только и зелен наряд
Кедров у кромки снегов —
В инее знобком стоят
Кедры в краю облаков.
Правят на юг журавли,
Гуси ночами летят.
Где-то — счастливо! — с земли
Вслед им мальчишки кричат.
Тропка твоя, как во сне,
Желтой прикрыта листвою.
Вспыхнут цветы по весне
Там, где прошли мы с тобой.
Золото рдеет в лесах,
Небо синее, как снег,
Горы стоят в поясах
Звонких серебряных рек.
Песни летят вперевой —
Свадьбы справляют окрест.

Парни, как прежде, гурьбой
Едут, чтоб выкрасть невест.
Шапки с кистями на всех
Сдвинуты лихо к бровям.
Лунною ночью их смех
Долго звенит по горам.
Что ж, что невеста не прочь —
Выкрасть велит ритуал!
...Окна распахнуты в ночь.
Сколько же дней я писал?
Рифмой звенел над пером
Каждый опавший листок.
Горы мои за окном,
Как покидать я вас мог?
Как оставлял я свой дом,
Вас забывая порой,
Чтоб на бульваре Тверском
Ждать листопад золотой?..

1973

* * *

Из грохочущих, дымных, больших городов
Я вернулся на милую землю мою.
Я смотрю на пушистые крыши домов,
В переулке заснеженном долго стою.
А вокруг — моих гор чистота и покой,
Где-то чуткие лани бредут сквозь снега
И красавцы маралы стоят над скалой,
Молчаливую тучу поддев на рога.
Небом плечи прикрыв, мои горы молчат,
Только звезды мерцают над их сединой,
Будто слушает мир, как снежинки скрипят,
Ах, как громко снежинки скрипят под ногой!

Горы милые! Выются дымки очагов,
Над безмолвными крышами — мир и покой,
До околицы мира — всего сто шагов,
Но живет она вместе со всею страной.
Здесь земля чабанов, моих братьев родных.
С неба звезд не хватают мои земляки.
Это верно, поскольку хватает земных,
Чтоб украсить героям свои пиджаки.
Только как ни милы тишина и покой,
Вдруг пригрезится: поезд зовет нас, гудя.
Нам взглянуть бы на Красную площадь порой,
Поклониться хоть раз Мавзолею вождя!
То Кавказ позовет нас, то крымский прибор,
То Якутия кличет из дали своей —
В век полетов и скорости сверхзвуковой
На просторах страны стало больше друзей.
Реактивная вьюга, чужда ль нам она?
Ах, как манит порою небес синева!
Хоть, конечно, милее для нас тишина —
Когда снова усталый вернешься в свой дом,
Когда кедры родные обступят толпой
И маральник¹ весенний воздушным пером
Каждый камень обводит чертой огневой...
Человечество путь свой торит сквозь века,
Не исчезнут и наши следы меж других:
Пусть твой голос не громок — душа высока,
Мой народ, ты оставишь в истории их.
...Вот и вновь мое сердце полно тишиной.
Где-то в землях иных городов голоса.
И опять я смотрю на Алтай голубой —
И от счастья блестит на ресницах роса.

1965

¹ Маральник — кустарник на Алтае.

МОЯ ПЕСНЯ

Овечьей шерсти запах кисловатый,
Улыбкой — месяц в зеркале ручья,
Труды и дни, рассветы и закаты —
Все это ты, поэзия моя!

Ты — горы заповедного Алтая,
Ты — песнь чабанки, матери моей,
Ты — все, к чему душою припадая,
Я становлюсь сильнее и мудрей.

Ты — век. Ты — жизнь, то добрая, то злая.
Сибирь. Москва. И путь в небесной мгле.
Ты в час предгрозя — первая, сквозная,
Медлительная капля на стекле....

Пусть буду брошен женщиной родною,
Пусть предадут случайные друзья —
Все вынесу — лишь будь всегда со мною,
Везде, во всем поэзия моя.

1957

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

...И снова
Небеса поголубели,
Цветы и травы
Пахнут тишиной.
Лежу в траве,
Как будто в колыбели,
И солнце
Наклонилось надо мной.

Эй, ветер с гор,
Слети сюда в долину,
Шатер ветвей
Дыханием качни...

Пусть шепчут кедры
Мне свою былину,
Как старые
Сказители-кайчи!
Пусть прибегут
Кудрявые ягнята,
Теснясь вокруг,
Обступят мой привал.
Мы вспомним вместе,
Как не раз когда-то
Я с ними
Перевал
Одолевал.

Я брал усталых
На руки в дороге,
Замерзших —
Согревал своим теплом....
Так, лет семи,
Я заслужил в итоге
Чабачский, трудный
Первый мой диплом!..

...Гляжу на мир
Мудрее, глубже, шире,
Богатства сердца
Бережно коплю,
Отцовский край,
Что всех дороже в мире,
Как прежде —
И по-новому! —
Люблю.

В моем краю,
В моем двадцатом веке
Присяду
У пастушьего огня...
Я не забыл вас,
Горы, тропы, реки,
А вы, друзья, —
Узнали вы меня?

Мой голос вновь
По-юношески звонок,
Все тот же я,
Что с детства вам знаком...
Лежу в траве —
И сосунок-ягненок
Мне лижет руку
Узким язычком.

1959

ЖИВАЯ ВОДА

Там, где тень отбросил горный гребень,
Где прохлада освежала тело,
Родничок мне с детства был знаком.

Дед мой уверял: родник — целебен!
Часто голова его белела
В зарослях над самым родником.

Дед с ним вел беседы, головою,
Как живому, бережно кивая...
Вся природа, он считал, жива:

— Дерево не рань — оно живое,
Землю зря не мучь — она живая... —
И сегодня помню те слова!

Помню, заболел я — и тогда-то
Деревянный ковшик невысокий
Дед с водой принес из родника.

— Пей! Целебной силой, влук, богаты
Матери-земли живые соки... —
И сухая дрогнула рука.

Выпил я — и, верьте мне, повеял
День прохладой, силы мне даруя...
Не было здесь чуда — суть не в том:

Просто очень деду я поверил,
Просто верой в доброту земную
Был спасен я — как не раз потом!

1958

ДОЧКЕ

Ты уснула. Как дыханье ровно!
Как тиха полночная пора!
И глазенки маленькие, словно
Два цветка, закрылись до утра.

Чуть заметно вздрагивают губы,
Сон твой легок и по-детски прост...
Город спит, закутан теплой шубой
Ночи — в ярких пуговицах звезд.

В сладкий плен захваченная снами,
Тихая и теплая, пока
Ты не видишь, дочка: встал над нами
Купол неба вместо потолка.

Ты не видишь: позванные мною,
Все цветы с полей родной земли
Пестрой, шелестящею волною
У твоей кровати расцвели.

Ты увидишь это — будут сроки, —
Сможешь все услышать и понять...
Но едва написанные строки
Накрест перечеркнуты опять,

Потому что на земном просторе
Не одни цветы и синева,
Есть борьба, тревоги, слезы, горе,
Гневные и горькие слова.

Не на жизнь, а насмерть длится схватка,
Жизнь и смерть сошлись на «пяточке» —
В тесном мире, где твоя кровать
Встала в затасанном уголке.

1962

ВЕСНОЙ

В первой зелени опушка,
Ива клонится к ручью,
Счет годам ведет кукушка...

Вспомнил родину свою.

Что ни день, то море света.
Звезды в полночи немой.
Свистнув, поезд мчится где-то...

Очень хочется домой!

1958

О КАРТИНАХ ГУРКИНА¹

I

А горы на полотнах так прекрасны!
Я отойти не в силах ни на шаг!
Пусть мне твердят, что, мол, сужу пристрастно,
Что говорить: пристрастен я — но как?

Уж мне ль не знать родных вершин Алтая,
Уж мой ли не придирчив строгий глаз!
А вот гляжу, все точно узнавая,
И в то же время словно в первый раз.

Какой волшебник, дерзкий и упрямый,
Вершины перенес на полотно?
И те вместились в маленькие рамы,
Вершинами оставшись все равно!

II

А он ведет, ведет меня все выше
И краски обновляет каждый миг...
Вот чудеса — я вижу ветер!

Вижу!

¹ Г. И. Гуркин (Чорос Гуркин) — талантливый художник-алтаец, ученик И. И. Шишкина.

Плесканье вод,
шум веток,
птичий крик!
Земная даль все шире, все чудесней!
Вот луг в цветах. Вот юрта чабана.
Простор и ясность.
Здесь должна быть песня!
Я чувствую...
И слышу: вот она!
Эх, побежать бы весело вдогонку,
Дышать весной, заботы забывать,
Лежать в траве,
речонку, как девчонку,
Горячими губами целовать...

III

А он ведет, ведет уже сквозь годы,
К истокам темным он ведет меня.
Вот прошлое. Среди толпы народа
Шаман, как вихрь, танцует у огня.

Он людям лжет! Он яростен и буен,
Он таинство недоброе творит.
Он, содрогаясь, бьет в тяжелый бубен,
Он с грозными богами говорит.

Скользит по травам тень его косая,
И отблески — как жертвенная кровь.
Он мечется по кругу, исчезая
В ночной тени и появляясь вновь...

IV

А мы идем... Вот белая Белуха,
И дымка чуть заметная дрожит.

ЕСТЬ НЕВЕДОМАЯ СВЯЗЬ

«Когда увидишь ты во сне, —
Я слыхивал не раз, —
Что старой кряжистой сосне
Пришел последний час,
Она простерта на земле,
И горек этот миг, —
Знай, что на днях в твоём селе
Умрет седой старик.

Когда увидишь ты во сне, —
Я слыхивал не раз, —
Что юной тоненькой сосне
Пришел последний час
И рухнет, ветками шурша,
Через немного дней, —
Знай, чья-то юная душа
Умчится в мир теней...»

Внимая сказкам старины,
Я в детстве трепетал.
Давно уж я не верю в сны,
Давно я взрослым стал,
Но верю, верю и сейчас,
Упреков не боюсь,
Что есть с деревьями у нас
Таинственная связь.

Раскрыв объятия, к ним бегу:
«Деревья, никогда
Пусть не подступит на веку,
Не тронет вас беда!»
Вы, как друзья, встаете в ряд
Вдоль человеческих троп.

Из вашей плоти мастераг
И зыбку нам, и гроб.

Из вас — прижизненный наш дом
И наш посмертный дом,
Но все же главное притом
Не в этом и не в том.
Важней, мне кажется, вдвойне,
Что ритму наших дум
Так соразмерен в тишине
Ветвей спокойный шум.

Он вроде ровного ровней,
Но вслушайся — и вмиг
Услышишь в нем и храп коней,
И песнь, и смех, и крик.
И о любви людской не раз
Послышится рассказ,
Который и взволнует нас,
И успокоит нас.

Деревья старые, люблю
У вас погостевать.
Ловлю хвоинку, лист ловлю
В раскрытую тетрадь.
Шуршаньем хвои и листвы
В кругу детей, внучат
Со мной беседуете вы,
И только пни молчат.

1975

ГОРДОЕ ИМЯ ТВОЕ

*Светлой памяти
Лазаря Кокышева*

Земля, на которой росли мы с тобой,
Зеленою снова покрылась травой.
А вон синеглазый подснежник босой
Качает, не видя тебя, головой.
Кукушки, как прежде, в лесу над рекой
Кукуют нам долгие годы с тобой.
Как знать милым птицам, что ты никогда
Уже не придешь их послушать сюда!
И травам зеленым, и синим цветам —
Откуда им знать, что не свидеться вам?

Зовет нас тропинка, и горы зовут,
Как будто ты рядом и нет тебя тут.
В горах чабаны и охотники ждут,
Вина молодого бокалы нальют.
Вино молодое, печально оно —
Нам выпить его без тебя суждено...

Растут над твоею могилой цветы —
Впервые цветам не поклонись ты.
И новая шепчет с могилы трава
Стихов твоих нежных простые слова,
И слышится, будто читаешь их сам
Высокому небу и синим горам,
И кедры могучие там, над скалой,
Качают, внимая тебе, головой.

И, словно вздыхая, цветок голубой
Стоит весь в росе над твоею тропой,
И где-то, как будто трубят журавли,
Звонят твои песни в туманной дали,

Из вашей плоти мастерят
И зыбку нам, и гроб.

Из вас — прижизненный наш дом
И наш посмертный дом,
Но все же главное притом
Не в этом и не в том.
Важней, мне кажется, вдвойне,
Что ритму наших дум
Так соразмерен в тишине
Ветвей спокойный шум.

Он вроде ровного ровней,
Но вслушайся — и вмиг
Услышишь в нем и храп коней,
И песнь, и смех, и крик.
И о любви людской не раз
Послышится рассказ,
Который и взволнует нас,
И успокоит нас.

Деревья старые, люблю
У вас погостевать.
Ловлю хвоинку, лист ловлю
В раскрытую тетрадь.
Шуршаньем хвои и листвы
В кругу детей, внучат
Со мной беседуете вы,
И только пни молчат.

1975

ГОРДОЕ ИМЯ ТВОЕ

*Светлой памяти
Лазаря Кокышева*

Земля, на которой росли мы с тобой,
Зеленою снова покрылась травой.
А вон синеглазый подснежник босой
Качает, не видя тебя, головой.
Кукушки, как прежде, в лесу над рекой
Кукуют нам долгие годы с тобой.
Как знать милым птахам, что ты никогда
Уже не придешь их послушать сюда!
И травам зеленым, и синим цветам —
Откуда им знать, что не свидеться вам?

Зовет нас тропинка, и горы зовут,
Как будто ты рядом и нет тебя тут.
В горах чабаны и охотники ждут,
Вина молодого бокалы нальют.
Вино молодое, печально оно —
Нам выпить его без тебя суждено...

Растут над твоею могилой цветы —
Впервые цветам не поклонись ты.
И новая шепчет с могилы трава
Стихов твоих нежных простые слова,
И слышится, будто читаешь их сам
Высокому небу и синим горам,
И кедры могучие там, над скалой,
Качают, внимая тебе, головой.

И, словно вздыхая, цветок голубой
Стоит весь в росе над твоею тропой,
И где-то, как будто трубят журавли,
Звонят твои песни в туманной дали,

Из вашей плоти мастеряг
И зыбку нам, и гроб.

Из вас — прижизненный наш дом
И наш посмертный дом,
Но все же главное притом
Не в этом и не в том.
Важней, мне кажется, вдвойне,
Что ритму наших дум
Так соразмерен в тишине
Ветвей спокойный шум.

Он вроде ровного ровней,
Но вслушайся — и вмиг
Услышишь в нем и храп коней,
И песнь, и смех, и крик.
И о любви людской не раз
Послышится рассказ,
Который и взволнует нас,
И успокоит нас.

Деревья старые, люблю
У вас погостевать.
Ловлю хвоинку, лист ловлю
В раскрытую тетрадь.
Шуршаньем хвои и листвы
В кругу детей, внучат
Со мной беседуете вы,
И только пни молчат.

1975

ГОРДОЕ ИМЯ ТВОЕ

*Светлой памяти
Лазаря Кокышева*

Земля, на которой росли мы с тобой,
Зеленою снова покрылась травой.
А вон синеглазый подснежник босой
Качает, не видя тебя, головой.
Кукушки, как прежде, в лесу над рекой
Кукуют нам долгие годы с тобой.
Как знать милым птахам, что ты никогда
Уже не придешь их послушать сюда!
И травам зеленым, и синим цветам —
Откуда им знать, что не свидеться вам?

Зовет нас тропинка, и горы зовут,
Как будто ты рядом и нет тебя тут.
В горах чабаны и охотники ждут,
Вина молодого бокалы нальют.
Вино молодое, печально оно —
Нам выпить его без тебя суждено...

Растут над твоею могилой цветы —
Впервые цветам не поклонись ты.
И новая шепчет с могилы трава
Стихов твоих нежных простые слова,
И слышится, будто читаешь их сам
Высокому небу и синим горам,
И кедры могучие там, над скалой,
Качают, внимая тебе, головой.

И, словно вздыхая, цветок голубой
Стоит весь в росе над твоею тропой,
И где-то, как будто трубят журавли,
Звонят твои песни в туманной дали,

Звенят, уходя, чтоб проститься с тобой
И снова, навечно, вернуться домой...
Лишь сам ты, мой друг, не споешь никогда —
Кто думал, что смолкнешь совсем молодой!

Земля твоя грустью полна в этот час.
Ты даже не знал, что ты значил для нас!
Писал ты стихи, а оставил завет —
И нет им забвенья на тысячу лет,
Навечно с людьми остается их свет,
Как вечно в сердцах остается твой след.
И люди, несхожие с нами лицом,
Они унесут твои песни в свой дом,
И, верю, последний алтаец в горах
Твоим осенит себя добрым стихом!

Мы, сердцем горды и душою чисты,
Прошли, не теряя в пути высоты,
Не славу моля осенить нас крылом,
А души людей очищая огнем.

Нам муза была не рабой, а сестрой,
Когда мы искру высекали строкой.
Ты песню свою не допел до конца,
Никто за тебя не закончит ее,
Но вечна поэзия в наших сердцах,
Как вечно в ней славное место твое!

...Вновь солнце назавтра твой дом озарит,
Наполнятся радостью души людей,
И в школах ребята возьмут буквари
И встретятся с солнечной строчкой твоей.
Студенты за партой, в горах чабаны
С любовью откроют стихов твоих том —
Слова твои мудрые людям нужны,
Пускай они входят, как солнце, в их дом.

На небе поэзии нашей родной
Ты будешь светить нам высокой звездой.
Не плачь же, что жизнь твоя краткой была, —
Она не ушла, только стала иной.
Не бронза литая, не камень гранит,
А в сердце

народ

твое имя хранит.

Ты памятник в сердце народа воздвиг —
Стихами твоими Алтай говорит.
И горы, которые ты воспевал, —
Не твой ли бессмертный они пьедестал,
И этот печальный алтайский цветок —
Не муза ль его положила у ног?

1975

КЕДРЫ ГИБНУТ

Гибнут столетние наши кедры.
Гибнут алтайские богатыри.
Падают воины с сердцем пронзенным.
Вон еще один рухнул, смотри!
Разве смола это?
Нет, это слезы
Наземь сочатся струйкой живой.
Зубья железные леспромхоза,
Электропил торжествующий вой.
Словно народ, нападенья не ждавший
И обреченный на верную смерть,
Гибнут
Столетние кедры наши.
Гибнут,
И страшно на это смотреть.

Вы, столько лет шумевшие кедры!
Нас понимать умевшие кедры,
Вечнозеленые,
Стройные кедры,
В небо влюбленные,
Мощные кедры,
В самое пекло дарившие тень, —
Вот он пришел, ваш последний день...
Жизнь вы дарили зверю и птице,
Оберегали земли и воды.
Да!
Ваша песня навек сохранится
В сердце народа, в песне народа.

1964

* * *

Трубят маралы...
Горы и леса
То слева отзываются,
То справа.
Не знаешь:
То ущелий голоса,
Курумников¹
Иль трубный зов
Марала?

О голос гор!
Любви осенний зной!
...Притих в чащобе,
Хоронясь за холмик,

¹ Курумники — скопление крупных глыб горных пород.

Задумался,
Трубой берестяной
Маралу подражающий
Охотник.

Опущена,
Молчит его труба...
Чу, вот опять
Доносится из чащи
Тяжелый стук рогов —
Идет борьба...
И снова зов,
Призывный и щемящий.
Крик зверя,
Бархатистый и густой,
То слева отзывается,
То справа.
И скалы — словно воск
От песни той,
И звезды осыпаются
На травы.

Несбыточного
В жизни ждали мы,
В чем смысл ее?
По крохам собирали...
Но вот летит
Сквозь горы и холмы,
Как вечный голос жизни, —
Зов марала.

Теряют цену золото,
Успех,
А слава, что тепло
И свет струила,
Теряет пламя...

На виду у всех
Чадит и догорит,
Как лучина.
Лишь горы
Остаются на века,
Лишь камни рек
Гремят на перекатах,
Лишь трубный зов
Летит издалека
Сквозь поздний листопад,
В часы закатов.

Неслышно
Осыпается листва —
Сырой земли
Червонная оправа.
И замирают на губах
Слова.
И тихо лес стоит —
Трубят маралы...

1964

СЛОВО, СКАЗАННОЕ ЛЮДЯМ

Не громок мой стих — не услышит весь свет,
Спасибо, что слышен Алтайским горам.
Не славен я — громкого имени нет,
И слово несу я своим землякам.
В одежды пророка рядиться смешно —
Что знаю в сравненье с тобою, народ?
И если мне что-то сказать суждено,
Мой стих это слово в тебе же берет.

Пришел я к тебе не из дальних миров —
Я плотью и кровью частица твоя.
Бывал во дворцах и под кровлей шатров,
Но всюду я помнил, чей сын и кто я.
Мы счастливы ныне, о чем разговор!
Но, люди, в грядущие зрите века:
Нам жить на земле среди этих же гор —
Должна быть, как горы, душа высока.
Прекрасную долю дала нам страна,
Неужто не в ногу пойдем со страной?
Нам мудрую книгу раскрыла она,
Ужель не осилим науки земной?
Иной оробеет: мол, хватит ли сил?
А кто ему слабым остаться велит?
А кто ему к знанию путь преградил,
Какой на пути его камень лежит?
Не мне поучать вас, как жить меж людей,
Как выйти к вершине крутую тропой.
И если к вершине дорога пряма,
То кто нас с тобой остановит, мой друг?
Немало дала нам родная страна —
И книгу, и цель, и пример храбрецов.
И счастья в пути пожелала она
Нам, вышедшим к свету из мрака веков...
Я знаю, негромок и скромн мой стих,
Но все же услышит его мой народ:
Без пышных словес, побрякушек пустых,
Он словом сердечным в аилы придет.
Иду не учить вас — послушать людей:
Пришелся ль мой стих, не живу ль в облаках?
Немало в горах моих славных парней —
Узнали ль себя в моих скромных стихах?

1975

АЛТАЙСКИЕ БОГАТЫРИ

Каждый вечер,
Как только улягутся сумерки
И пойдет по горам
Караульной тропой луна,
Над вековыми курганами
Вдруг оживают тени —
Золотыми мерцая кольчугами,
Поднимаются богатыри,
Где-то фыркают кони гривастые,
Глухо позвякивают уздечки,
Слышится даже,
Будто тени поют вдалеке.
Может быть, это речка
Где-то бормочет спросонок?
Что-то сказать мне хочет
Так, чтобы понял я?
Кони,
Алтайские кони —
Синие гривы по ветру —
Красными вечерами¹
Над Алтаем моим летят!
Слышу я даже говор
(Я разбираю — говор).
А может,
Тальник серебристый
Листвой шелестит в ночи?
А может быть, это просто
Вдруг встрепенулась в сердце
Древняя-древняя песня
О старых алтайских витязях,
Скачущих по горам?

¹ В красные вечера, по поверью, на землю выходят души умерших.

И вот уже летит ватага
Храброго Алып-Манаша,
И где-то сквозь темень мчатся
Богатыри Козуйке?¹
Сны мои,
Сны золотые —
Сказка, легенда, небыль.
Только во тьме курганов
Слышится мне ночами
Древняя песня кайчи —
Струны рокочут тихо,
Тускло блестят кольчуги,
Глухо стучат колчаны —
Едут богатыри!
Едут ночным дозором,
В дали степные вглядываясь —
Не запылит ли где-то?
Кто там крадется ночью
К синим алтайским горам?
Едут и смотрят в горы —
Счастливы ль мы, алтайцы?
Вольно ли нам живется?
Тучные ли стада?
Едет в горах дозором
Богатырей дружина —
Синие гривы по ветру —
Кони летят в ночи.

1965

¹ Алып-Манаш и Козуйке — герои алтайского эпоса.

КОНЬ

.. Век коней да конниц,
Говорят, истек.
Говорят,
Ракетам
Наступил срок.

Но коням, что им
Молнии орбит?
Конь мотнет гривой —
Сам летит!

Лишь закусит крепче
Удила —
С тетивы звонкой
Мчит стрела!

...Говорят, крылаты
Мы с тобой:
В стратосферу рвется
Суперзвуковой.

Это верно — скорость,
Век такой.
Только к гриве шелковой
Мне б щекой.

Чтоб губой мягкой
Ткнул в ладонь,
Чтоб из-под копыта
Бил огонь,

Чтоб в пути долгом
Через перевал
Мне кивал мордой —
Отвечал..

Кони, мои кони,
Век ракет.
А в глазах тает
Теплый снег..

1965

ЛИРА БРАТСТВА

КОМУС¹

I

«Есть чуткие транзисторы у нас,
Способные ловить все волны мира —
Кому ж и вправду нужен ты сейчас,
Кому алтайский, маленькая лира?
Сейчас пора мелодий громовых,
Эстрадных покорителей эфира —
И, как ни тщишь, в могучем хоре их
Твой звук потонет, маленькая лира!» —
Так многие сегодня говорят,
Быстролетающей моде потакая,
И, слыша их в который раз подряд,
Я головой в раздумье понижаю..»

II

Я вижу горы, ночь и свет луны.
Костер. И дым прозрачными клубами.
Сошлись к своей стоянке чабаны,

¹ К о м у с — музыкальный инструмент.

И конь звезды касается губами,
Как будто он дыханием своим
Холодные созвездья согревает.
Звучит комус. И музыка, как дым,
Охватывает душу, наплывает.
Напев старинный трогает меня.
Он легче лепестка алтайской розы,
Так нежен он, что даже у коня,
Я вижу, на глазах сверкнули слезы...

III

Я на руку беру тебя, стальной
Комус алтайский — древний, благородный.
Ты наделен единственной струной,
Но сколько струн задел в душе народной!
Весь на ладони уместился ты,
По форме — словно сердце, треуголен.
Что говорить, просты твои черты,
Напев негромок — но широк и волен.
Здесь, на Алтае, ты изобретен,
Или купец неведомо откуда
Привез тебя, как дар иных племен,
Для утешенья кочевого люда?

IV

Что говорить, удобен ты в пути,
Комус, в тысячелетьях неизменных!
Легко тебя за пазухой нести,
Легко — в кармане куртки современной.
Тебя к губам подносит человек —
Вокруг цветы восходят, пламенея,
И тает самый плотный зимний снег.
И родина становится роднее.
Как будто малый вспыхнул огонек

И спорит, разгораясь, с ветром встречным,
И человек уже не одинок
Надвине с безмерным, бесконечным...

V

Комус, комус, поныне ты звучишь
В барханах раскаленных Каракумов
И пробуждаешь снеговую тишь
В краю оленей, нарт и дымных чумов.
Твои напевы древние слышны,
Как знать, что все мы родственны глубинно,
В селениях венгерской стороны,
В горах Тувы, в уютном доме финна...

VI

Ковбойский фильм я видел. В нем громят
Индийское селение громилы.
Жилища островерхие горят,
Похожи на алтайские айлы.
Свистит свинец, награбленного груз
Несет бандит, рыча остервенело...
И я услышал вдруг: звучал комус,
Мелодия знакомая звенела!
Стонал комус, он голос подавал,
Не требуя дотошных переводов,
Казалось мне: о помощи зывал
Он к Азии — праматери народов!

VII

Как ты попал на эти берега,
Родной комус? Прислушиваюсь к звуку
Мелодии твоей. Она долга
И сладкую в душе рождает муку.

Я чувствую, как в глубине веков,
Переплетаясь, оживают корни,
Я верю в общность двух материков —
Чем дальше, тем сильнее и упорней.
Я верю в братство всех людей земли,
И эта вера крепнет, наполняя
Все существо мое, когда вдали
Напев твой слышу, Азия родная!

VIII

Родной комус, как дорог сердцу он!
Когда-то на потертой карте школьной
Я разглядел — и замер, поражен:
Алтай по форме — тоже треугольный!
Комус напоминает он собой
И сердце человеческое — тоже.
А может быть, так велено судьбой,
И не случайно столь они похожи?
Итак, звучи, звучи, не умолкай,
Дорожная пастушеская лира —
Звени, комус! Пой, сердце! Пой, Алтай,
Во имя Братства, Радости и Мира!

1978

ГОБИ-АЛТАЙ

*

Встань, земляк мой, читатель мой, рядом со мной!
Полюбуйся прекрасной этой страной.
Я хочу, чтобы в сердце запали твои
Все прекрасные песни и сказки ее.
Вот мы едем по древней земле Калхи.

Я читаю монголам свои стихи.

И не гости для них мы оба с тобой —
Сыновья, навестившие дом родной.

Вот мы едем..

А степь вокруг широка

С пересошей от жажды рыжей травой.

Бесполезные движутся облака —

Без единой дождинки —

Над головой.

«Газиқ» наш отмерил столько дорог!

Вот он, Кара-Корум,

Вот он, Черный поток.¹

Здесь когда-то был город — движение, шум,

Здесь Чингис Шести Сторонам угрожал,

И любой человек в испуге дрожал

Лишь услышит слово «Кара-Корум».

Тишина. Только конь вдалеке заржал...

А когда-то алыпы² гнали сюда

Из ограбленных стран рабов и стада.

Это здесь на коленях алыпы ползли

Прах у ног целовать Властелина Земли.

А когда-то, покинув ханский дворец,

Здесь взлетал на коня ханский гонец

И летел быстрее быстрой борзой,

Всем грозя со вспотевшего лба пайцзой³.

Конь его запален, изорвался халат,

Но рывком он распахивал двери палат,

И кривые ноги его несли

¹ Кара-Корум — древняя столица Монголии («Черный поток» — тюркск.).

² Алыпы — монгольские воины.

³ Пайца — золотая пластина, крепившаяся на лбу или груди, — знак чрезвычайного ханского гонца.

Прямо к трону,
И падали короли!

Здесь, где кровь проливалась, и слезы, и пот,
В теплой юрте транзистор теперь поет,
И с портрета на войлочной стене
Улыбается
Юрий Гагарин мне.
Говорят, что с Алтая приехал гость.
Мне подносят с мозгом сочную кость,
И верблюжьим кумысом меня поят,
И спрашивают о моих новостях.
И я вижу: мне рады и стар и млад.
И я вижу: я дома, а не в гостях.
И в халате желтом, в овчинных штанах,
Страж развалин, старец, бывший монах,
Дарит мне голубого шелка кусок,
Говорит: «Это неба нашего часть.
Он, как небо Монголии, чист и высок,
Над душою людской он имеет власть...»
И его я долго благодарю.
(До сих пор голубой талисман храню.)

А монголы поют, на колени присев.
И я вместе с монголами тоже пою,
И далекий-далекий, забытый напев
В этой песне монгольской я узнаю.
Это тихая песня, как шелест песков.
Это древняя песня — ей много веков.
И напев этой песни суров и угрюм.
Эту песню слышал Кара-Корум...

Грозный город!
Ты здесь возводил дворцы,
Здесь в песках истлели твои творцы.

Прожил ты столько жизней,
других погубя.

Песня!

Все, что осталось здесь от тебя.
Будь же славен народ, идущий вперед,
Что в дорогу не копыа, а песни берет!
Будь же счастлив народ, что сумел сберечь
Песню древнюю, а не заржавленный меч!

*

Говорят монголы: «Гоби-Алтай».
Степи голы. Так где же «Гоби-Алтай»?
Ведь Алтай — это горы, гористый край!
(Я-то знаю: Алтай — это мой край.)
Разрезая синий воздух степной,
Вдруг скала возникает передо мной.
Так века шлифовали ее бока,
Что сверкает она, словно грань клинка.
Над скалой белостенной город встает,
Рядом с ним голубые пальмы встают,
В их подножья зеленые волны бьют,
Караван верблюжий вдоль стен идет.
И я вижу: воинов движется ряд,
И стальные клинки на солнце горят.
Вдруг исчезло все.
«Значит, это мираж?» —
«Да мираж,— мне шофер объясняет наш —
Просто солнца лучи отражает скала,
И в нее мы глядим, как глядят в зеркала,
И себя мы видим, и небо, и степь...»
Но я видел верблюдов длинную цепь!
Но я воинов видел и город вдали,
Видел море, бьющее в край земли!
Вот куда мои думы меня завели...
Это Азия — мать, колыбель моя,

Из преданий своих мне припосит моря
И показывает над песками мне
Все, что в песнях я слышал и видел во сне!

Мы ночуем в степи, мы разводим костер,
И шофер наш, привычный к дыму костров,
Нам готовит на ужин нехитрый шашлык,
Для него пустыня и стол и кров.
И Сурен, мой давний монгольский друг,
Мне рассказывает о былых временах,
Говорит, что разбросаны были вокруг
Кости странных зверей, наводящих страх,—
Динозавров.

Прошли миллионы лет,
Эти ящеры вымерли, но до сих пор
У того, кто увидит динозавра скелет,
Диким ужасом искажается взор.

Над ночью пустыней встает луна,
Свет на грани скалы бросает она,
Облик Азии — девушки молодой —
Предо мною встает с зеркального дна.
И волнение невинное сжало грудь.

Ночь,

А я не могу уснуть.

Здесь, в песках,

Тяжело и хрипло

Дыша,

Древней Азии шевелится душа.

Я лежу и слышу: пески поют.

Слышу я табунов истлевший гуд.

Вижу я: сквозь века караван идет,

Различаю времени мерный ход.

Но я знаю, что это просто скала

Отражает минувшее,
Как зеркала...

Сердце бьется. Удары поди сосчитай!
Вот и начинается Гоби-Алтай.
Здесь вот он начинается
И нигде не кончается...

Надо мною небо родное качается...

1968

МОНГОЛЬСКОМУ АКЫНУ ИМАШХАНУ

Уж не рядом ли где-то в долине степной
Наши юрты стояли, мой друг?
Уж не рядом ли где-то над горной рекой
Мы костры зажигали, мой друг?
На широких ремнях мы носили мечи,
Стоя рядом, встречали врага.
И не раз разбегались от нас тагбачи¹
Там, за Гоби, где степь широка.
Степь — как небо. А юрты — как птицы весной,
Лебединая стая в безбрежном краю:
Вдруг опустятся где-то на берег речной,
Чтобы осенью сняться в дорогу свою.
Мы, как птицы, степной оглашали простор,
То на юг, то на север неслись на рысях.
Только статуи в Гоби остались с тех пор,
Да узнай, где алтаец, а где тут казах...
В том году мы сошлись у оранжевых скал,
Где священные Богды² нас ждали века.

¹ Тагбачи — китайцы (древнетюркск.).

² Богды — горы в Монгольском Алтае.

Каждый сердцем в тот вечер родство ощущал —
Будто в русло родное свела нас река.
Будто только теперь мы узнали, кто мы,
Темных распрей отбросив позор вековой.
Мы взглянули на мир, будто вышли из тьмы, —
Это Ленин нам солнце зажег над землей.
...В этот вечер твой брат пригласил нас в свой дом,
Ах, как славен был пир,
Ах, как дружен был хор —
И алтаец, и русский, казах и монгол! —
Наши песни в обнимку неслись выше гор,
Выше синих, оранжевых гор!
Мы форелей руками ловили, смеясь,
В быстрой горной реке, что летит, серебрясь,
И, вскочив на горячих гривастых коней,
Проносились мы ветра степного скорей!
Ах, Монголия! Я ли не видел степей?
Но приеду к тебе и гляжу, как впервой, —
Белоснежные юрты, как стайка гусей,
Что присели вдали отдохнуть под горой...
Есть немало в степи городов и дворцов,
Знаю храмы и добрых твоих мудрецов,
Но все чаще и чаще я вижу во сне —
Твои юрты белеют, как девственный снег.
Юрты временно ставят — метель переждут,
От пурги защитятся ненастной порой.
Но, как белое облачко, юрты вспорхнут
И уносятся вдаль, лишь повеет весной...
Что еще напишу я на белом листке?
Мой привет. Пусть его унесут журавли,
Чтобы, где-то кочуя в своем далеке,
Ты почувствовал нежность алтайской земли.
Пусть помашут крылами
Тебе журавли!

1972

Я их скажу, высокие слова,
Тебе, народ, принявший нас в семью.
В глаза гляжу — чиста их синева,
На землю обращенная мою.

Ты дал и мне могучий свой язык
И поделился мудростью своей,
И, к языкам обоим я приник,
Счастливый сын двух добрых матерей.

Ты с пушкинской строкой пришел в аил,
Ты правдой Ильича нас окрылил,
О русский удивительный народ,
И вновь полны мы мудрости и сил,
Согретые лучом твоих забот.

Тепло души и дум высокий строй
Ты даришь нескудеющей рукой,
И, как и все сыны страны одной,
К тебе мы благодарности полны:
Ты стольким дал свободу и покой
И мзды не брал — свободе нет цены!

Не сыновья ль и дочери твои,
Подвижники, в углы глухие шли,
И свет сердец и дружбы нам несли,
И умирали на краю земли,
Презревшие богатства и почет,
О русский удивительный народ!

Бросал Октябрь твоим глаголом клич,
Писал декрет твоей строкой Ильич,
О вечный, удивительный народ!
Недаром образ матери встает,
Когда тебя пытаюсь я постичь.

Ты точно мать одной большой семьи,
Где лад и мир — старания твои.
Пусть разнолик, разноязык твой дом,
Но привечаешь всех ты за столом,
Сама лишь сесть забудешь иногда,
Но сколько счастья в облике твоём!

Не ищешь ты ни славы, ни даров,
Но пред тобой я шапку снять готов,
Скажу лишь: «Мама, мой родимый кров»,—
И вновь тебя, Россия, узнаю.
Всегда мудра, добра и широка,
Все беды отвела твоя рука,
Свела в одну великую семью
Все племена и родину мою.

Ты сердцем щедр, ты добротой велик,
Согретый дружбой, верить я привык:
Не угасает жар твоих забот,
И верю я: всю землю обоймет
Любовь твоя, о русский мой народ!

1973

СЕРГЕЕВНА

Хранитель преданий былых,
Чудесница трав полевых.
Ведунья, колдунья, вдова,
Какие ты знала слова!
Пред печкою старою став,
Шепча над своим чугуном,
Варила ты зелье из трав,
Творила молитву тайком.
И в ветхой избенке твоей
Все банки да склянки, горшки,
Как будто алхимик — ей-ей! —
Толчет тут свои порошки.
Согнулась по старости лет,
Лишь голос, как струнка, поет
Да в ласковом взгляде привет —
Монашка ли, ведьма ль живет?
«Лекарка», — прошепчет сосед.
«Колдунья», — поправит другой.
Никто не сочтет, сколько лет
Шептались у ней за спиной.
Когда-то был мал я и хвор,
И мама, подумав: «Конец»,
Пришла к той старушке во двор —
Спаси, мол, погибнет малец.
«Сергеевна, может, травой?
Святая ль ты, ведьма — молю...
Нечистый, наверно, какой
Вселился в кровинку мою». —
Она не заставила ждать,
Давала мне травы сперва,
Водой принялась обмывать,
Шепча заговора слова.
«То соки родимой земли,

Ты пей их, сынок, не робей,
Чтоб травы тебе помогли —
Они колдовства-то верней».
А мама вздыхала порой:
«Сергеевна, чем отдарю?
Вот сыру возьми-ка с собой.
Хоть кислый, — возьми, говорю...»
Бывало, алтайки в тот дом
К ней в дверь постучат, не дыша, —
Всех встретит по-русски, добром
Старушка, святая душа.
И нету в словах колдовства —
О травах они, о цветах,
И добрая суть естества
Заронится в чистых сердцах.
Сергеевна вечно в горах —
То травам поклон, то листкам.
Чего она ищет в лугах?
Чего она шепчет цветам?
Живая ль вода ей нужна,
Ведет ли там с господом спор?
Не тайну ль бессмертья она
Надеется вырвать у гор?
Но вечная жизнь не для нас,
Нет жизни за смертной чертой.
Настал и Сергеевне час
Тихонько уйти на покой.
И только в сердцах у людей
Все добрая память жива:
То шепчет ей тайны трава,
Что были доступны лишь ей,
То где-то бормочет ручей,
Доносит мне голос ее.
О добрый целитель людей,
Светло предсказанье твое.
И память, тиха и светла,

Хранит мирный свет твоих глаз.
Как будто ты с тем и пришла,
Чтоб высветить этот рассказ.
Ты знаешь бессмертия ключ,
Ты мудрая мать всех людей,
Ты шла по горам, точно луч,
Срывала цветы меж камней,
Чтоб смертных людей врачевать,
О добрая русская мать.

1977

ФАНТАЗИЯ

Травы — выше коня —
Здесь под солнцем встают.
Стрелы, воздух сверля,
По-кыпчакски поют.

Окружили, теснят
Княжий полк степняки!
Много храбрых легло
У Каялы-реки.

В половецком шатре
Храбрый Игорь в плену,
Вспоминает Путивль,
Ярославну-жену.

«Ты не пленник, ты гость!» —
Льстива речь Кончака...
Где ж той битвы следы?
Где Каяла-река?

Не ответит ученый,
Не скажет поэт,
Может, Кальмиус¹ это,
А может, и нет.

Мы в гостях, мы идем,
О былом говоря,
По земле Украины,
Земле Кобзаря.

Травы — выше коня,
Степь душиста, тепла.
Где-то здесь, говорят,
Эта битва была.

И на миг я впадаю
В полузабытье,
И несет меня
Воображенья мос,

Словно бешеный конь,
По степям, по лугам...
Вот уже не Кончак —
Хан кыпчацкий — я сам!

Рядом с князем гляжу
Я в походный огонь.
Я ему говорю:
«Игорь, вот тебе конь!

Ты садись на коня
И на этом коне
Поезжай-ка в Путивль,
К Ярославне-жене.

¹ Кальмиус — река в Донецкой области.

Передай ей привет,
Ну, а я — ухожу,
Я свой белый дворец
На телеги грузу.

Мы увидимся вновь
Через множество лет,
Где минувшей вражды
Позабудется след,

И останется людям
И все времена
Только песня о нас,
Только песня одна!»

Так я грезил тогда,
Сын алтайской земли,
От которой поклон
Мы сюда принесли.

И сказал я тогда:
«Дорогие друзья!
Как прекрасна земля —
Наша, ваша, моя,

Где навек мы в семье
Породнились одной!»
И мой друг Эркемен
Согласился со мной.

1974

АКРОПОЛЬ

Море и оливковые рощи,
Отдаленный контур корабля...
Ничего не выдумаешь проще,
Чем Эллады вечная земля.

Я брожу, взволнованный. Попробуй
Быть спокойным, если вдруг вдали
Озаренный выплывет Акрополь —
Гордость греков, гордость всей земли!

Пыль веков мои покрыла ноги.
Я гляжу на белый Парфенон,
Мнится мне: языческие боги
Бродят меж дорических колонн.

А внизу — соседствуют и спорят
Блеск реклам, живой огонь жилья.
Кажется, по огненному морю
Ты плывешь, Акрополь, как ладья.

Там, внизу, народ огненноглазый
Борется, надеется и ждет.
Там, подвыпив, янки долговязый
По-хозяйски улицей идет.

Там банкир блаженствует, загрязь
В тишине о том, чтобы опять
Знамя, что сорвал когда-то Глезос¹,
Над седым Акрополем поднять.

¹ Манолис Глезос в ночь на 31 мая 1941 года (с А. Сантосом) сорвал фашистский флаг с Акрополя в Афинах.

Чьи-то сейфы прибавляют в весе,
Чей-то гнев растет уж столько лет:
Нет покоя на Пелопоннесе,
Даже мертвым здесь покоя нет!

Даже олимпийские высоты
От земных страстей недалеко,
И сверхзвуковые самолеты
Небо рвут над нами на куски.

Неужели люди нашей эры
Так и не узнают тишины?
Неужели снова из пещеры
Выползет чудовище войны?

Неужели полетит по свету
Ветер смерти, травы опалая?
Что в грядущем ждет тебя, планета,
Древний шар по имени Земля?

Как с людьми, беседую с камнями,
Говорю, надеждою согрет:
— Ты еще побудь, Акрополь, с нами
Тысячу и много тысяч лет,

1964

ХУДОЖНИК И РЕВОЛЮЦИЯ

I

Солнце Мексики, к небу в зените прибитое,
Разноцветно сверкает, как перья фазаньи.
Это солнце с рожденья любил Диегито —
Стройный мальчик с индейскими чудо-глазами.

И еще он любил свой красивый, упрямый,
Свой влюбленный в свободу народ смуглокожий,
Тесноту карнавалов и тихие храмы,
Где мадонны на белых мадонн непохожи.

...Но кончалась коррида. С трибун стадиона
Расходилась толпа — те бедны, те богаты,
И сурово смотрели седые пеоны,
Ветераны — бойцы из отрядов Сапаты¹.

И вовеки не скроется солнце в тумане,
Не погаснет в свободу старинная вера!
Так за дело, товарищи! Револьвер в кармане,
Кисть в руке коммуниста Диего Риверы!²

Он людские черты лепит грубо и резко,
Ощущая в груди торопящее жженье,
Новой битвой становится каждая фреска,
И любая стена — словно поле сраженья.

Нет, его не прельстит легкой славы приманка.
А к отчизне любовь — бесконечна, бездонна...
И ему улыбалась простая крестьянка,
Мексиканка, натурщица, радость, мадонна.

II

Что за ночи над Мексикой! Полные мощи,
В небо тянутся пальмы гигантского роста,
Дремлет кактусов короткорукая роща,
И на иглы натыканы крупные звезды.

А прибор атлантический бьет, недоступен!
А история в камне молчит, как немая!

¹ Сапата — деятель Мексиканской революции 1910—1917 гг.

² Диего Ривера — выдающийся мексиканский художник.

И луна золотая повисла, как бубен.
Над руинами капищ ацтеков и майя.

Он бродил при луне по безлюдным дорогам,
Он с ночным мирозданьем беседовал много
И в тени пирамид передумал о многом
Перед каменным ликом забытого бога.

А наутро опять — кисти, краски, работа!
Плещет красное знамя в руках молодежи,
И ведут на борьбу пролетарские роты
Маркс и Ленин, чуть-чуть на индейцев похожи.

Иногда он, усталый, в радумье садился:
«Говорят, пролетариев в Мексике мало!
Неужели же я слишком рано родился
И для нас революций пора не настала?»

Чье же слышу дыхание я за плечами
В те часы, когда Истину я обнажаю?»
Скрежетали зубами враги. И ночами
Краски фресок со стен соскребали ножами.

Но Ривера опять поднимался на стены,
Восходил на леса как строитель, как зодчий...
И вставали бойцы павшим братьям на смену,
Примыкал к забастовке прозревший рабочий.

Слышу я, как зовут пролетарские песни:
«Справедливой борьбе безраздельно отдайся!»—
И седлает коня Революции вестник,
Мексиканец, похожий лицом на алтайца.

Нет, не выдумка это, и нет, не легенда,
Где-то в прошлом глубоко сплетаются корни,
Знает вечность, что родственны два континента.
Нас единое семя взрастило и кормит.

Первый солнечный луч тронул плоскую крышу.
Золотеет пустынная серая сфера.
Я Америку вижу и Азию вижу
В «Мексиканской мадонне» Диего Риверы!

Вот я вижу: с утра на работу идет он,
И шаги раздаются все звонче и звонче,
Ярким шарфом индейским вокруг шеи обмотан,
В шляпе широкополой, в расцвеченном пончо.

А над ним — сумасшедшие краски рассвета.
Разноцветна, как перья фазаны,
Штукатурка сырая, еще не прогрета,
В тишине ожидает его прикасания.

И солдаты Сапаты, сквозь времени дали,
Из стены проступают и смотрят сурово,
И студенты, которых вчера расстреляли,
Оживают и в бой поднимаются снова!

1971

ГОЛОС ДОМБРЫ

Когда даль гудит степная
От копыт, как от грозы,
Гул на струнах оседает
На домбре Курмангазы¹.
Занесут песками ветры
След несчитанных копыт,
Лишь мелодия бессмертно
На струне домбры дрожит.
Эта музыка простая
Все звенит в моих ушах,
Будто юрта кочевая
На семи плывет ветрах..
Мы сидели в юрте тесной
У казаха-чабана,
На домбре играл он песни,
Ах как плакала она!
Будто издали накатит
Топот тысячи копыт,
Юрту легкую подхватит
И внезапно замолчит.
Ах, домбра, сестра родная,
Не топшур ли слышу я?
Будто мы в горах Алтая,
Будто все — родня моя.
Да и то, не вместе ль с вами
Мы стояли тут порой,
Чтоб булатными мечами
Вражьих полчищ встретить рой!
Рог трубил в горах Алтая —
Были мы малы числом, —
Братьев в помощь призывая,

¹ Курмангазы — казахский композитор XIX века.

Отстояли мы свой дом.
Оттого и сердце бьется
И роса блестит в глазах,
Когда струн домбры коснется
Друг испытанный — казах,
Когда даль гудит степная
От копыт, как от грозы,
Вольный ветер оживает,
Гул на струнах оседает
На домбре Курмангазы.

1973

КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ

Две сестры — две вершины твои, Эльбрус,
В синем небе белеет их белый убор.
Я привез им привет от Алтайских гор,
Я с горами безмолвный веду разговор.
Как гранитного моря застывший прибой,
Белогривые горы за валом вал.
Все мне кажется — Пушкин стоит над скалой,
Точно крылья орлиные, плащ за спиной,
А в дубраве зеленой у ног Машука
Где-то Лермонтов пулей сражен,
Долгим взглядом с Кавказом прощается он,
И никак не растают в глазах облака...
За столетьем столетье идет чередой,
А поэзия ваша слышней и звучней.
Не о вас ли задумался гордый Кавказ?
Вы любили его до конца своих дней,
Край бессмертных, обитель поэтов и муз!
Как к святыне, к скале прикоснется ладонь, —
Не на ней ли страдал за людей Прометей,
Подаривший землянам небесный огонь,

Не сюда ли шагал непокорный иной,
Чтобы кануть в безвестье юдоли земной?
Но не ты ли, Кавказ, врачевал их порой
Вольным ветром своим и своей высотой?
Звал их к новым вершинам и силы вливал,
Чтобы были крепки, как гранит этих скал,
Над ослабшими песни свои напевал.
Эти песни, Кавказ, все звучат надо мной!
Узнаю твоих гениев дивных следы,
Их стихи, их заветы, как горы, горды.
Край певцов и поэтов, спасибо тебе,
Будем в жизни и мы, точно горы, тверды!
Видя скалы твои, говорю я порой:
Ты не брат ли Алтаю своей высотой?
Те же тропы у нас, только бродит марал,
Те же песни, немало Алтай их создал.
И в горах моих милых, в дали голубой,
Слышны песни кайчи, их напев вековой.
Где поэзия легкой ступает ногой,
Вырастают цветы под волшебной стопой.
И когда-нибудь, верю, придет этот час,
Народится великий поэт и у нас,
И тогда мой прекрасный и древний Алтай
Будет песней с тобой состязаться, Кавказ.
Потому-то, любуясь твоей высотой,
Вспоминаю все чаще Алтай золотой:
Будто вот поворот, и под цокот копыт
Пронесут наши парни напев дорогой!
Что ж, прощай, мой суровый и гордый Кавказ,
Ожидают Алтайские горы назад,
Где я песне родной
И народу родной,
Потому-то гляжу на Эльбрус голубой,
А в ушах моих кедры звенят и звенят...

1975

ОТЪЛЕСК
ПОЖАРОВ
ВОЙНЫ

БЕЗ ВЕСТИ
ПРОПАВШИИ

Давно отгрохотали канонады.
Распаханные дали хороши.
И новых строек высятся громады,
И в скверах в мяч играют малыши.

Поют ветра. Дожди летят косые,
Слетает с яблонь белая пыльца.
А я все еду, еду по России —
Ищу отца. Хотя бы след отца...

Проходит ночь — и вновь глядит резная
Заря в мое вагонное стекло...
Какая же надежда, сам не знаю,
Ведет меня всем логикам назло?

Кого спрошу я? О какой примете
Вести мне речь? Какой припомню знак?
«Он шел вперед. Он пал лицом к победе...» —
Я знаю, хоть не видел: было так!

Но, глядя очень добро и устало,
Мне говорит стареющий майор:
— Лицом к победе столько храбрых пало,
Иначе б мы не встретили ее!

Он прав, прибавить нечего. И снова
Я свой вопрос веду издалека:
— Не помнит ли солдата пожилого —
Такого добряка, весельчака?

— Да, помню, — говорит он, — помню многих,
Я помню юных, помню пожилых,
Веселых, добрых, мужественных, строгих —
И вместе всех, и каждого из них.

О, сколько спит их на родных просторах,
Где плеск ручьев и шепот ковыля,
Безвестных, безымянных, о которых
Лишь знает ветер да сыра земля...

Смеркается. Мы умолкаем оба...
А утром я на станции схожу
И спрашиваю в поле хлебороба,
Не помнит ли, не скажет ли...

— Скажу:

Его могилу не ищи напрасно,
Могил безвестных много на Руси.
Взгляни вокруг: огромна и прекрасна
Лежит земля — ты у нее спроси,

Спроси у ветра, что летит по свету,
Колосья полновесные клоня.
Спроси у них. Прислушайся к ответу.
А мне пора. Ты извини меня...

Я вновь один. Кружат над степью птицы,
Лежит простор без края и конца,
Шумят хлеба — и в шорохе пшеницы
Я слышу голос павшего отца...

Я говорю: пусть будет все как надо,
Пусть звонкий стих рождается в тиши,
Пусть новых строек высятся громады
И в скверах в мяч играют малыши,

Пусть юноша цветы несет невесте,
Пусть свежий хлеб вздыхает на столе,
Пусть жизнь идет, пусть никогда без вести
Не пропадают люди на земле!

1962

ДОРОГА

Все ждали мы, что вот придет к нам счастье
По этой пыльной, выбитой дороге,
Все думали, что вновь услышим топот
Коней по серой, выжженной дороге,

Все верили: вот скоро к нам вернется
Отец, что на войну ушел когда-то
По этой длинной, как тесьма, дороге...

Все ждали: вот вернется, удивится,
Как без него ребята подросли!
Начнет воспоминаньями делиться —
Как воевал за честь родной земли.

Свои награды с гордостью покажет,
Широкоплечий, рослый и прямой,
Пусть раненым, пусть одноруким даже —
Лишь только б он вернулся к нам, домой!

Лишь только б мог ладонью, чуть шершавой,
Погладить нас: — Ну, как дела, сыны? —
И улыбнуться добро и лукаво,
И песню спеть, как пел нам до войны!

Но ждали мы, как многие, напрасно.
Наверно, там, за синими хребтами,
Вдали от нас, затих навеки топот
Коней по серой, выжженной дороге,
И на Алтай, в наш маленький поселок,
Лишь несколько вернулось инвалидов.
Домой — по длинной, выбитой дороге...

Мы в День Победы пели и смеялись,
И плакали — кто сможет нас винить?
Печаль и радость в этот день смешались,
И как нам было их разъединить?..

Случалось, пыль дорожная вставала,
Надежда в сердце вслыхивала вмиг,
Но все напрасно. Лишь зайдет, бывало,
Прохожий запоздалый фронтовик.

Смотревший смерти в черные глазницы,
Шагавший в бой под грохот батарей,
Сейчас, казалось, глянуть он боится
В сухие очи вдов и матерей.

Он вспоминал в кругу сельчан широком
Всех, с кем делил солдатский долгий путь, —
И ждали мы: вдруг вспомнит ненароком
Из наших, из родных кого-нибудь?

О, как хотелось верить нам в такое!..
Спускался вечер. Воин умолкал —
И тихо уцелевшею рукою
«За тех, кто пали...» — тост он поднимал.

Все ждали мы, что вот придет к нам счастье
По этой серой выжженной дороге.
Все думали, что вот услышим топот
Коней по пыльной, выбитой дороге...

Так пусть вовеки не узнают люди
Тревожных, безнадежных ожиданий,
Пусть не глядят с печалью на дорогу,
Их скромный дом связующую с Миром,
Пусть в каждый дом приходит только счастье
По светлой, ясной, солнечной дороге!..

1962

ЖЕНЩИНЫ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Вдовы солдат погибших,
Опора сирот голодных,
Мы все в долгу перед вами,
Что наши беды в сравненье!
Кто зерен измерит тяжесть
В ладонях вашей судьбы?
Кто горечь тех слов измерит
На малом клочке бумажном
Трагических «похоронок»?
А мертвых не воскресить...
Не вашими ли руками
Броней одевались танки?

И ваши нежные руки
Молота знали вес.
И тяжесть снопов на поле,
Которые вы поднимали...
Но ваша любовь не иссохла,
Беда не согнула вас.
Вы были как дождь благодатный
Земле, сожженной войною,
Вы были источником жизни,
Ее продлевая вновь.
И вы на мои ладони
Ячмень посыпали в детстве.
А зерна — тяжеле злата,
Я знаю, люди, их вес.
Вы песней тоску разгоняли,
А горести гнали смехом,
Но видел я тайные слезы
Порой на ваших глазах.
Вдовы солдат погибших,
Опора сирот голодных,
Бессмертные в материнстве,
Родина — это вы!
Недаром художник иль скульптор
В вас Родины образ видит,
Величье в нем воплощая,
Бессмертье и красоту.
И мы преклоняем колени,
Склоняем головы низко —
Мы все перед вами дети
С младенчества до седин.

1977

Снова вспомнилось детство мне —
 Ночь. Луна. И песня в ночи.
 Все звучит она в тишине,
 Сколько раз ни проснусь — звучит.
 Кто поет ее там, вдалеке?
 Или это журчит река?
 Или белые, налегке,
 Мчатся ветры издалека?
 Ночь бела, и луна, кругла,
 Смотрит в круглые мне глаза.
 Как ночная звезда, светла
 На ресницах моих слеза.
 — Мама, кто поет по ночам? —
 Тормошу я, не в силах спать.
 — Комсомолки, девчата там, —
 Мне из тьмы отвечает мать.
 Это верно: девичий хор,
 Парни все на войне давно.
 И плывет эта песня с гор
 На щемящей волне в окно.
 Голубой лепесток огня —
 Как трепещет в ночи она,
 Как тоскует она, звеня,
 Как мне долго она слышна!
 Молотилок невнятный стук,
 Шепот веялок, скрип колес,
 Загрели телеги вдруг —
 Хлеб для фронта повез обоз...
 Может быть, только плуг и знал
 Теплоу ваших женских рук,
 Только ветер и целовал
 Губы пламенные подруг.

Обнимали парни не вас —
Землю, выжженную войной,
Где-то в танках их жег фугас,
Где-то шторм их хлестал волной.
Если мимо летел свинец —
Это вы его отвели,
Это сила ваших сердец
Поднимала парней с земли.
Комсомолки военных лет,
Героини военных дней,
Вас надежней на свете нет,
В мире не было вас верней!
Имена б ваши звездам дать,
Дать бы самым красивым цветам,
Песни б звонкие посвящать,
Дорогие подруги, вам!
Слышу, слышу я вновь и вновь
Песни ваши сквозь все года,
И великая ваша любовь
Очищает меня всегда.

1973

РУЖЬЕ

Ружье кремневое, о чем
Молчишь ты, старина?
За чьим качалось ты плечом,
Где было до меня?
Ты пережило столько лет,
Кто мастер тульский твой?
Давно уж стерт узорный след
Руки его живой.

Как ты попало к нам?
Купец
Привез в суме своей,
Отдав кому-то наконец
За черных соболей?
Казак ли выронил лихой,
Сраженный здесь стрелком?
Рассказывают, прадед мой
Владел таким ружьем.
Наследник деда и отца,
Тебя ли я обрел?
В стволе таится дух свинца,
Хоть ржа пятнает ствол.
Свидетель пугачевских лав,
Все грозен ты, старик.
Стою, приклад к плечу прижав,
Щекой к тебе приник.
Вон красной меди огонек —
Прицел. И темь вокруг.
«Ну, хорошо ль ружье, сынок?» —
Отцовский голос вдруг.
Глухой, далекий, он как гром
Раздался надо мной,
И щеки вспыхнули огнем,
И встал меж мною и ружьем
Отец погибший мой.
Когда отец тебя держал,
Ружье, блестело ты.
Не раз твой гром в горах снимал
Марала с высоты.

Что до меня — я не стрелок,
С пером дружна рука.
Пускай живет марал; дружок,
Ты отдохни пока.

Приклад поглажу я порой,
И станет мне светло,
Как будто чувствую рукой
Отцовское тепло...

1975

ДЕРЕВЬЯ

Вдоль дорог молодые деревья стеной —
Здесь когда-то отцы уходили в поход.
Не замена ли им молодой этот строй,
Этот лес, что тридцатое лето растет?

В год Победы они были ростом с меня.
Я теперь достаю лишь до первых ветвей.
Ах, погодки, о чем вы, листвою звеня,
Над дорогой шумите моей?

Вы как будто спешите тропой полевой
Вдоль колонны идущих дорогой бойцов,
Как когда-то и мы провожали гурьбой
На войну уходящих бойцов...

Узнаю вас, друзья, и приветствую вас:
Здравствуй, лес молодой!
Здравствуй, юность моя!
Вы уже точно рота на марше сейчас,
Уходящая рота моя...

Мы подростками были в далекий тот год,
И бежали мы вместе тропинкой одной.
Чья-то юность иною дорогой идет —
Зашумит ли листва над дорогою той?

Вот я вижу ваш строй на тропинке моей —
Не отцы ли вернулись на землю свою?
Осадили гривастых алтайских коней,
Эскадрон к эскадрону застыли в строю.

Нет, отец не погладит вихры мне рукой,
Только веткой береза коснется едва,
И к листве, как к руке, вдруг прижмусь я
щекой —
Ах, как пахнет смолой у березы листва!..

Если вновь протрубит над страной беда
И придется однажды седлать нам коней,
Дорогие деревья, придите сюда,
Над дорогою встаньте моей!

1976

СОН

Было больно — ни разу не крикнул: «Отец!»
Было страшно — ни разу не пикнул: «Отец!»
Было трудно — ни разу не плакал: «Отец!»
Только знал,
Что есть слово такое — отец.
А кому б я сказал, малец,
Это слово?

Только ночью кричал я сегодня во сне:
— Папа! Папа!

Был разрушенный город, объятый огнем,
И не знал я, где я,
И не знал, где мой дом.

И уходит на запад последний отряд —
Лишь качанье штыков,
Лишь молчанье солдат.

Я узнал его сразу.
Я бросился в строй,
За шинель ухватился:
— Отец, ты живой?!

Но отец уходил, молчалив и высок,
Только тихо сказал:
— Опоздал ты, сынок.
— А когда вы вернетесь?
Куда вы сейчас?
— Опоздал ты. Никто не вернется из нас.

И пошел на закат
Молчаливый отряд,
И дрожала заря
На штыках у солдат,
И горели вдали города, города,
И я понял, что я
Опоздал
Навсегда...
— Папа, папа, постой! —
Я бежал вслед за ним.
Но шагали бойцы,
Точно тени, сквозь дым,
И никто не хотел обернуться назад,
И горел впереди молчаливый закат.

...Что случилось со мною?
Тоска ли моя
Унесла меня вдруг
В те года, в те края,
Что живут, словно тени, в потемках сердец,

Чтобы встретиться где-нибудь
Нам наконец.

Я проснулся.
Как дорог мне сон мой ночной:
Хоть во сне, мой отец, побывал я с тобой.
Карандаш я сжимаю,
Смотрю на листок:
— Опоздал я, отец.
— Опоздал ты, сынок.

1967

ОГНИ МОСКВЫ

Москва. Гостиница «Москва», пятнадцатый этаж,
Внизу — прекрасный город наш, всеобщий
город наш.

Стоим и смотрим, как над ним взлетают в высоту
Салюта жаркие огни и гаснут на лету.

О месяц май, девятый день, Победы нашей день!
Все ордена свои, Москва, ты в честь его надень!

И вот уже из номеров несем припасы мы,
Несем грузинское вино и нельму Калымы.

Ты родом с Балтики седой, а я — с Алтая, друг,
Но за столом у нас сейчас — почти семейный круг.

Москва, для столь различных нас ты —
матери добрей.
Мы пьем за здравие твое под грохот батарей.

И слышит залп сквозь вечный сон в сырой земле
солдат.
«Салют в Москве! Должно быть, вновь какой-то
город взят!»

Огни взлетают в высоту, и мнится иногда:
Не гаснут, падая, они, не тают без следа.
А прикипают в высоте, умножив звезд число...
«А может быть, — подумал я, — так ярко и светло

Над красными зубцами стен, над кровлями дворца
Горят бессмертные сердца, солдатские сердца!»

Москва, о как ты дорога защитникам своим,
Как ты, свободная, нужна и мертвым и живым!

Взлетела звездочка одна и замерла в окне,
Всего на миг, но в этот миг вдруг показалось мне,

Что предо мной возникла вновь, у самого лица,
Звезда с пилотки моего погибшего отца...

И встал высокий фронтовик, герой суровых дней:
«Тост за Москву, — промолвил он, — за свет ее

огней!
Пусть, вечно ясные, горят, для всей земли горят,
И выше этой на земле нам не сыскать наград!»
Так он сказал седой солдат, тост предложил

такой —
И поднял дрогнувший бокал единственной рукой...

1972

Здесь умирали войны за нас —
Лицом к врагу, без стопа и без крика,
Я бережно несу букет гвоздики —
Здесь кровь их незабвенно пролилась.

Над горестной гранитной плитой
Сердца отцов горят звездой красной,
Огонь судьбы, отчаянной и страстной,
Трепещет на ветру передо мной...

И я родной земли не дам в обиду,
А если вдруг военная гроза —
В атаку я правофланговым выйду,
И смерть в испуге отведет глаза.

А если я погибну — кровь моя
Пробьется к солнцу красною гвоздикой.
И на мгновение в мире станет тихо:
Охватит мертвых трепет бытия!

Не зря любая пядь земли родимой
Для нас всегда священна и жива.
Нет, не пройти любого камня мимо:
Здесь жизнь боролась за свои права.

Любой бугор, любой кусок гранита
Цветов достоин. И ошибки нет.
Идут года — герои не забыты:
В сердцах живых их негасимый свет!

И пусть всегда к подножьям обелисков
Склоняются прекрасные цветы,

Когда весна — полна тепла и риска —
Приходит из морозной темноты.

Цветы под стать солдатам и героям,
И пусть не помним их по именам,
Но каждую весну, как перед боем,
Они из вечности приходят к нам.

1971

СТРОКИ НА ЛИСТЬЯХ

КАТУНЬ

Мчись, Катунь, играя светом,
Шумная струя!
Нет волны на свете этом
Чище, чем твоя!

Так и блещет, голубая!..
В ней отражена,
Молодест, улыбаясь,
Старая луна.

Ты летишь с вершин Алтая
Вниз, к теплу, к жилью,
Песню сбивчиво слагая
Длинную свою.

Этой песне от рожденья
Сотни тысяч лет,
В ней — волны твоей круженье,
И конца ей нет.

А моя — послушай! — песня
Только рождена.
А моей — послушай! — песне
Вечность не нужна.

Ей сейчас бы, неотложно,
Души обогреть,
Ну а там, пожалуй, можно
И самой сгореть,

Лишь бы в доме человеческом
Приняли ее...
Так что нам считается нечем:
Каждому — свое.

Будем добрыми друзьями —
Вот моя рука!
Глупой зависти меж нами
Места нет, река.

Ты бежишь, подернув камни
Пленкой голубой...
Хорошо с тобой, река, мне,
Хорошо с тобой!

1961

* * *

Я люблю тебя, Родина,
Каждой слезой,
Я люблю тебя, Родина,
Каждой улыбкой.

Чуть сощурюсь —
И горы встают надо мной,
Чуть прислушаюсь —
Кедр запекает, как скрипка...

1962

ПРОВОДА

Все я жду чего-то, виноватый,
Только что поделать — жизнь права:
Не вернуть слетевшие когда-то
С губ моих обидные слова.

И молчит мой телефон часами,
Лишь порой, звонком встревожив дом,
Скучными, другими голосами
Говорит не то и не о том.

Что за прок мне в утешеньях здравых,
Если смолк твой голос навсегда,
Словно бы от слов моих неправых
В тот же миг порвались провода.

Мнится мне: за сотни верст отсюда
К трубке прикасается рука.
Мнится мне: вот-вот свершится чудо,
Вот сейчас я вздрогну от звонка!

Я сказал бы, тихий от смущенья,
Как мне тяжела неправота,
Я сумел бы вымолвить прощенье...
Но давно порвались провода!

1962

СИНИЙ ВЕЧЕР

Синий вечер, синий час,
В дымке синей леса иней,
Синий цвет любимых глаз
И поля в тумане синем.

За холмами вдалеке
Спит крылатый ветер, нежась,
На твоём воротнике
Звезд серебряная снежность.

Синий вечер, синий час,
Снег на ветках изобильный.
Так стучат сердца у нас,
Что слова у нас бессильны.

Вдаль уносят нас мечты,
И глаза туманит счастье.
В мире синем я и ты —
След двойной на снежном насте...

Снег растает, время минет —
Не забудем вечер синий.

1956

* * *

В горах — джайляу. Колыбель моя.
Поближе к тучам, что плывут высоко.
У края ледников родился я,
Поближе к звездам, где летает сокол.

И сердце я оставил, не тая,
В родном краю, где голубые горы.
Там навсегда осталась песнь моя —
В густых лесах, где листьев тихий шорох...

1956

* * *

Вновь надо мною крики журавлей,
И к сердцу грусть опять пути сыскала.
Кошмою желтой лег простор полей,
Задумавшись, стоят в молчанье скалы.

О чем кричат, прощаясь, журавли?
О чем, склоняясь, шепчутся колосья?
Что дымка синяя таит вдали?
О чем лепечет рек разноголосье?

На снежных кручах тучи тихо спят.
День кончится — и в гаснущие дали
Умчит их ветер прямо на закат,
Как детство годы некогда умчали...

Песнь журавлей проникла в сердце гор,
С моим — навек осталась по соседству
И вот звенит, живая до сих пор,
Звучит во мне далекой песней детства...

1956

У ОГНЯ

На горе, беснуясь, вьюга злится.
Ветер бьет в оконное стекло.
Но в печи дрожит, искрится
И струится в душу мне тепло.

Наши горы дики и угрюмы,
Их и не увидишь в снежной мгле,
Но легко дыханье, чисты думы,
Сладко ноют мускулы в тепле.

А в трубе гудит, желтея, пламя.
Хорошо сидеть мне у огня,
Воскрешая о дороге память,
Что сквозь вьюгу вывела меня.

Друг — огонь. И пусть пурга курится —
Пусть лютует вьюга за окном...
С другом за ночь не наговориться —
Я не одинок с тобой вдвоем.

Путник, по тайге бредя сквозь вьюгу,
Заверни на мой огонь в ночи
И, согревшись, спой-ка песню другу,
Ту, что жарче пламени в печи!

1959

ДАЛЕКИЙ ДРУГ

Не тревожу тебя
Телефонным звонком,
Не колдую
Над черным
Наборным
Кружком,
Просто —
В небо смотрю,
Просто — молча курю
И без повода, просто
С тобой говорю.

— Здравствуй, счастье мое! —
Говорю я, любя. —
С наступившей зарей
Поздравляю тебя!..

От меня сквозь леса,
Сквозь года, города
Убегают, незримые,
Вдаль провода,
С каждой честной душой,
На ветру не звеня,
Безотказные,
Соединяют
Меня.

Сквозь года, города
По незримой струне
Даже мертвых сердца
Откликаются мне!
Не прервет нас
Какой-нибудь срочный заказ,

И чужие сердца
Не подслушают нас...

Все я сделаю,
Лишь бы вовек не рвалась
Эта кровная,
Самая важная связь...
И сегодня — ты слышишь? —
Встречая зарю,
Я с тобой говорю,
Я с тобой говорю!

Слышу — в дальней дали,
За просторами рек,
Отвечаешь ты мне,
Мой родной человек.

Есть испорченные
Телефоны-сердца.
Тем, бывает,
Звонишь и звонишь без конца —
Все напрасно! —
Стараньям любим вопреки,
Только «занято», «занято», —
Слышишь гудки.

Но твое — не такое!
Открыто оно
Для добра и любви,
Потому что полно
Удивительной верой
В людские пути,
В то, что счастье
Должно непременно прийти.

Друг мой дальний, ты слышишь?
Встречая зарю,

Я с тобой говорю
Я с тобой говорю!
Не прервет нас
Какой-нибудь срочный заказ,
И чужие сердца
Не подслушают нас.

Не тревожу тебя
Телефонным звонком,
Не колдую
Над черным
Наборным
Кружком.
В ясном небе —
Рождение нового дня...
Я зову —
Ты поймешь,
Ты услышишь меня!

1963

* * *

Мне глаза голубые, как волны Катуня,
Никогда не забыть, ни за что не забыть...
Помню тропку в лесу, помню звезды в июне —
Те, что нас научили друг друга любить...

Где же нежность твоя? Где же слово привета?
Все ушло, говоришь ты. Ушло — но куда?
Я пойду, я найду — хоть на краешке света,
Приведу — ведь, согласно законам планеты,
Здесь ничто не должно исчезать без следа!

Или все растворилось в пространствах
беззвездных,

Как дыханье — в ночи, как туман — над рекой?

Я стою у окна — и на стеклах морозных
Белый блеск, снежный блеск осязаю рукой.

Наша встреча, глаза твои, звезды над чащей
И тропинка, где шли мы в предутренней мгле, —
Все вместилось теперь в этот резкий, слепящий
Белый блеск, снежный блеск на окошном стекле!

1962

СОМНЕНИЕ

Порой сжигает душу мне тоска,
Стою как перед снежным перевалом:
То ль осень поздняя,
То ль ранняя весна?
Гнетет меня неясная она,
Трубит сентябрь — и лес объят пожаром.

Еще один отсчитан в жизни год.
Еще одна мечта моя угасла.
Мне снится кедр над Яйлагушем¹ властным, —
Когда б хоть он сумел ответить ясно,
Что день грядущий в жизни мне несет!

Кто скажет мне, смогу ли одолеть
Тот перевал, укрытый снежной тучей?
Ах, родина, рукой своей могучей
Дай силы мне — хочу еще посметь!

¹ Яйлагуш — горный перевал на Алтае.

Труби, сентябрь, и вскинь свой вещий рог —
Пускай гуляет эхо над хребтами!
Гори в груди, неистовое пламя,
Чтоб молнии ломались над стихами,
Чтоб слово в сердце раскалить я мог.

Не стой преградой, снежен и суров,
Мой перевал, дремучий, скрытый тучей.
Ах, родина, рукой своей могучей
Дай силы мне, чтоб одолеть врагов!

1975

* * *

Годы, годы мои,
Вы как клин журавлей
Над судьбою моей,
Над землею моей.
То вас кутает ночь,
То вас солнце слепит,
Только клин журавлиный
Летит и летит.
Год пройдет —
Клин растет.
То не год, то не год —
Журавленок под осень
К нему пристаёт.
И летит, и трубит
В свой серебряный рог...
Не последний ли год?
Не последний ли срок?
Где-то вскинется он
Молодым журавлем,

Кромку солнца задев
Неокрепшим крылом,
И исчезнет во тьме
Навсегда, навсегда,
Чтоб в последний порядок
Сомкнулись года...
Вон уж листья с берез
Устилают поля.
Словно кружатся перья
Того журавля...

1971

* * *

Вот и стол мой накрыл я, как мог,
Вот хрустальные кубки воздвиг.
Только свет над столом не зажег —
Мне светло от очей твоих.
Смотрит в окна луна, не таясь,
Зажигает безмолвный хрусталь.
Ах, о чем мы мечтали в тот час?
Ах, в какую умчались мы даль!
Сколько счастья таил твой взгляд —
Нам хватило б на сотню лет.
Но ничто не вернешь назад —
Ближе нет нас и дальше нет...
Я смотрю на очаг ночной —
Как мне грустно и как светло!
Я, наверно, колдун душой —
Вижу все будто сквозь стекло.
Поднимаешь ты кубок свой
И в глаза мне глядишь притом.

Как нашла ты мой дом лесной?
Ты мне кажешься странным сном.

...Вечер, в печке трещат дрова,
Весь и свет, что в глазах твоих.
Не нашел я тогда слова,
А теперь уж не надо их!
Ах, как лунно мое окно —
Вон в бокал улеглась луна!
Даже жалко мне пить вино —
Пусть посветит еще она.
Точно сон мы — и я, и ты.
Берег юности в двух шагах,
Но давно сожжены мосты,
И молчу я — лишь даль в глазах.

1972

ДРУЗЬЯМ

Друзья, вновь приду я на тот перевал,
Где с вами я некогда песни певал,

Где некогда наш полыхал костерск,
Чью искру доныне я в сердце сберег.

Уверен, что тропку сумею найти,
Взойду, поднимусь — и, не сбившись с пути,

От искры, которую так берегу,
На старом кострище огонь разожгу.

Слетайтесь, друзья, собирайтесь, друзья,
Товарищи, сверстники, юность моя!

Я знаю, вблизи, в нашей жизни земной,
Уж кто-то не прежний, уж кто-то иной.

Он мимо проходит, в глаза не глядит,
Так важен, как будто на что-то сердит.

Все меньше сердечных и радостных встреч,
Короче при встречах дежурная речь.

А кто-то окончил свой жизненный путь,
И тяжесть земли навалилась на грудь.

А кто-то живой, но не пишет, молчит,
Друзей позабывший, друзьями забыт,

Но здесь, на вершине, мы те, что тогда,
Пылает костер наш — земная звезда,

И все мы красивы, и все хороши,
И любим друг друга всей силой души,

И друга никто никогда не предаст,
И палец при встрече ему не подаст.

Пусть в чем-то наивны, но духом чисты,
Мы смотрим на жизнь со своей высоты.

Не можем, конечно, узнать наперед,
Какой ожидает кого поворот,

Как строгая жизнь каждый день, каждый час
Возьмется учить и воспитывать нас.

А город лежит у подножья горы,
В нем окна горят — золотые миры,

Там взрослые мальчики нынче живут,
И скоро их жены к столу позовут

И чай разольют. И не знает иной,
Что нынче сидит у костра он со мной...

1975

ВЕТЕР
ЛЮБВИ

Я слушаю сад
Весной, поутру:
Деревья шумят
На вольном ветру.

Не ворчат на него,
Не маются —
Радуются,
Обнимаются!

Весной, поутру,
В мой сад я смотрю,
В мой сад я смотрю —
И так говорю:

«О ветер любви,
Коснись и людей,
Меж нами живи,
Сердцами владей!

Чтоб тот, кто устал,
Отпел, отлюбил,
Вновь молод бы стал,
Про годы забыл.

Чтоб тот, кто не стар,
Был молод и впредь —
До срока не стал
Черстветь и стареть!..»

Не нойте: «Сквозняк!» —
А выйдите в сад,
Послушайте, как
Деревья шумят —

Не ворчат на ветер,
Не маются —
Радуются,
Обнимаются!

1977

ПИСЬМО НА РОДИНУ

Здравствуй, мой мальчик,
Здравствуй, мой маленький!
Знал бы кто, как я счастлив,
Что, кроме огромного человечества,
Есть у меня сынок...

Я видел
Морей изменчивую красоту,
Тонущие в огнях города,
Гудящие, как вулкан, города.
Я видел всюду
Тебя, мой сынок,
Едва закрывал глаза.

Вырастешь, повзрослеешь...
А знаешь, когда повзрослеешь?

Когда увидишь,
Что ослепительные города,
Полюба сжигающие города,
Как россыпь алмазная, города
Не затмевают в душе
Маленького костра,
Света снежных вершин,
Шума родной тайги...
Вот когда повзрослеешь.

В холм Акрополя бьется
Прибой неоновый. Тонут
Афины в цветном огне.
И как легко улетает
Мечта моя,
Вечная дума
К родным берегам Катунь...

Знал бы ты — как мы счастливы,
Очень, мой мальчик, счастливы,
Что, кроме огромной планеты,
Есть у нас наша родина —
Наш голубой Алтай!
И есть нам куда вернуться,
Есть что повсюду помнить,
Есть что любить и беречь.
Как сердце алтайца, чистые
Вечные наши горы,
Можжевельника запах,
Песни густые, как кровь,
Добрые люди, родня...

О, как мы безмерно счастливы, мальчик!

1964

Я разыскивал юность свою
И в горах, и в долинах зеленых,
И в степном, и в таежном краю,
И на длинных вокзальных перронах.

Я в столице пытался найти
Сумасшедшую эту беглянку:
Вспоминая былые пути,
С Малой Бронной спешил на Таганку.

Я в знакомые двери стучал,
Слышал краткое: «Не проживает...» —
«Что ж, простите», — жильцам отвечал.
И жильцы говорили: «Бывает».

Ни вблизи ее нет, ни вдали.
Где ж ты, спорщица, где ж ты, певунья?
Не сумели помочь, не смогли
Мне ни солнце, ни свет полнолуныя.

Где ты счастье-несчастье мое,
Где глаза твои, вечно сухие?
Я пытался окликнуть ее
И на улицах братской Софии.

Но бесплодны попытки мои,
Не достиг моей призрачной цели.
А ведь пели же нам соловьи,
И для нас тополя шелестели!

Я к студентам с вопросом спешил,
На строительстве — к юным рабочим,

Но впустую людей тормошил:
Не сыскал свою юность.

А впрочем,

Иногда она виделась мне,
Улыбалась светло и жестоко,
Но всегда на другой стороне
Переулка, проспекта, потока.

1973

* * *

Как приеду я снова домой,
К снежным кручам прижмусь я щекой,
Зацветет голубой-голубой
Небосвод, как чалма, надо мной.
А в зеленой долине на дне
Где-то речка звенит в тишине,
И струя ее там, в глубине,
Моет ноги усталые мне.
Как приеду я снова домой,
Выйду к солнцу рассветной порой —
Пусть рассыплет оно надо мной
Стрел горячих колчан золотой.
Пусть, качаясь, плывет сквозь туман
Дальних гор вековой караван,
Пусть зайдется в груди у меня
Колокольчик, от песен звеня.
Как приеду я снова домой,
Выйдет в небо луна надо мной,
Заискрится в дали голубой
Звезд вечерних серебряный рой.
Этих белых ночей белизна —
Будто жизнь моя песня одна,

Будто к кедру от кедра струна,
На ветру протянулась она.
Как приеду я снова домой —
Сразу в горы дорогой прямой.
Поклонюсь каждой тропке лесной —
Я с тобой, я с тобой, я с тобой!
В каждый дом постучусь: я живой!
Ты мне счастья желал — я с тобой.

1968

ТОЙ¹

Снова парни седлают коней —
Стремена говорят над рекой.
Шапки с шелковой кистью надев,
Нарядились девчата на той.

Что² за звонкая в речке вода, —
Даже горы примолкли вдали,
Будто девушки где-то поют
За далекою гранью земли.

Только где-то смеются они,
Белозубые девушки гор,
И дробится, как эхо, вокруг
Их веселый ночной разговор.

О Алтай ты мой, древний Алтай,
Быстроноги твои скакуны —
Будто крылья у них за спиной,
Будто гривы их ветра полны.

¹ Той — праздник.

Едут сестры сегодня на той
По дороге своих матерей.
Те же песни поются в горах,
Только стали они веселей.

Только стали слышнее они,
Будто горы им вторят вокруг,
Будто новое эхо вдали
Подхватило на крылья их вдруг.

1967

НЭЛЛИ

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,
Кто имя английское
Дать тебе мог?

В догадках своих
Я, признаться, не тверд:
Ужель твои крестные —
Леди и лорд?

О Нэлли, о Нэлли,
Какая ты мисс?
За имя свое
Ты не им поклонись.

Не леди в ладони
Тебя приняла,
А бабка,
Что рядом в аиле жила.

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,
В алтайском краю
Родилась ты в свой срок.

Без титулов графских
Жила ты в селе,
Счастливой хозяйкой
На доброй земле.

Такие девчонки
В шотландских краях
Живали когда-то
У Бернса в стихах.

О Нэлли, о Нэлли,
На горном лугу
Тебя ли я встретил
С отарой в снегу?

«О здравствуйте, леди! —
Сказал я тотчас. —
Здоровы ли овцы
В отаре у вас?»

«Ой, что он болтает? —
Ты прыснула вдруг. —
Какая здесь леди?
Здесь горы вокруг.

Вы в Англию, верно?
Вы сбились с пути?
Желаю вам в Англии
Леди найти».

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,
Не знаю, кто имя
Придумать вам мог.

Но есть на Алтае
Девчонка одна.
Пусть песенку эту
Услышит она.

1965

ЗМЕИНАЯ РЕЧКА

То ли просто извилисто русло ручья,
Будто тропку ему проложила змея,
То ли камушков донных узор золотой,
Как змеинная кожа, блестит под водой,
Только как не взглядишься в мерцанье ручья —
Где-то нежится, вьется, танцует змея!
...Он давно уже в трубы, ручей, заключен —
В белых ваннах дымится целебный радон,
И курортницы едут сюда чередой —
Кто с недугом каким, кто с тоской, кто с бедой.
Этой речки таинственной теплый исток —
Сколько лет он в веках, как предание, тек,
То в туман одеваясь холодной зимой,
То на солнце змеиной блестя чешуей?
Говорят, что когда-то в былые года
Дочка хана пришла искупаться сюда,
И, коснувшись ногой обнаженного дна,
В золотую змею превратилась она.
С той поры лишь по зову полночной звезды
Поднимается ханская дочь из воды

И, зменную кожу смывая волной,
Одиноко выходит на берег ночной.
И далекие горы сияют вокруг,
Красотой неземной ослепленные вдруг,
И до самого света, тиха и грустна,
Песня дочери ханской над речкой слышна...

Я не знаю, какие скитальцы земли
Весть об этом волшебном ручье разнесли,
Говоря, будто в нем молодая вода,
Уверяя, что он продлевает года,
Но однажды стареющий хунский каган¹
На Змеиную речку послал караван —
Шесть десятков верблюдов и множество слуг —
Пусть возьмут той воды и проверят тот слух.
Долго ждал возвращения их старый каган,
Но назад не вернулся его караван.
Лишь вернулся гонец из далекой земли
И сказал: след верблюдов пески замели.
И великий каган на ступенях дворца
Приказал палачу обезглавить гонца...

Я не знаю, остался ли где-то курган,
Под которым покоится хунский каган,
Но давно уже в трубы ручей заключен,
В белых ваннах дымится целебный радон,
И недобрую славу Змеиной реки
Засыпают, наверное, где-то пески,
И смеются курортницы в звездную ночь:
Не споеет ли нам песенку ханская дочь?

1968

¹ К а г а н — император.

ВЫСОТА

Над костром ли ночным, над дневною тропой —
Здесь извечно открыт небосвод над тобой.
Даже в сон погружаясь, смежая глаза,
Ты витаешь мечтой в вышине голубой.
И в глазах твоих черных пылью золотой
Тлеют звездные дали над тихой землей
И до света, мерцая сквозь млечный туман,
Посылают лучи по орбите крутой.

Но земля повернет остывающий бок,
И оплавится вдруг над горами восток,
И, расправив свои огневые крыла,
Долгожданное утро спешит на порог...
И, едва первый луч прикоснется к щеке,
Ты проснешься. Бормочет огонь в камельке,
И в раскрытых дверях улыбается мать,
И сияет, как солнце, подойник в руке.
И бежишь из аила привычной тропой
По лугам за отарой ушедшей своей
Две пригоршни росы —
И как не было сна:
Как вода ключевая, роса холодна,
И искрится в лугах голубая трава,
Будто звездная в небе ночном седина...

С детских лет, заглядевшись в простор голубой,
Я часами люблю его глубиной —
Сколько лунных ночей,
Сколько темных ночей
Отошло в бесконечность с тех пор надо мной!
Но чем дальше гляжу, тем ясней и светлей
Все живут они в памяти вечной моей —
И звезда, что в моих ночевала зрачках,

И огонь, от которого сердцу теплей.
Дети гор и таинственных высей сыны,
Мы в подоблачных далях на свет рождены,
Где, наверно, лишь песни рождаться должны.

1976

СТРОКИ НА ЛИСТЬЯХ

Все идут, все идут золотые дожди листопада,
Жесткий лист, пролетая, меня задевает ребром,
И тропинка, где шли мы, весне зеленеющей рада,
Ныне скрыта под желтым и толстым осенним ковром.

Отлетающих птиц раздаются прощальные крики,
И осенние листья шуршат под ногами, сухи,
Как листы золотой, ненароком разрозненной книги,
На которых написаны лучшие в мире стихи.

Кто писал их? Наверное, ливни, рассветы,
закаты,
Быстролетные ветры и звездный мерцающий свет.
И слова о любви, что звучали вот здесь же
когда-то,
Как на тонких пластинках, свой тоже оставили
след

Я иду в тишине одиноко по белому свету,
Листья кружатся медленно, просятся в руки: лови!
Кто прочтет, расшифрует прекрасную тайнопись эту?
Кто звучанье вернет отзвучавшим словам о любви?

Ты шептала мне их поздним вечером в этой аллее,
И, как листья сегодня, звучали они в тишине.
Я здесь нынче один. Я о прошлом, ушедшем жалею,
О небывшем, несбывшемся — горько жалею вдвойне.

Встали горы вдали в серебре, в одеянии чудном,
Там — метели, зима. Скоро явится, значит,
и к нам.

Навсегда, навсегда затерялась ты в городе людном.
Никогда, никогда не вернуться былым временам.

Я иду по аллее, а листья на землю ложатся,
Различаю на них очертания строчек и строф,
Как неясные знаки исчезнувших цивилизаций
Или, может быть, как позывные далеких миров.

Отлетающих птиц раздаются прощальные крики,
К благодатному югу осенние птицы спешат,
И листья золотой, ненароком разрозненной книги
Под ногами шуршат. Под ногами шуршат и шуршат...

1971

ОСЕНЬ

Задели тучи
Верхушки сосен.
Дожди косые,
Туманы, ветры.
Все это значит:
Приходит осень,
Приходит осень,
Пора ответов.
Ответь мне, время,
Что стало с теми
Былыми днями,
Мои дни?
Одно осталось:
Туман да темень.

А где же солнце?
Не знаем сами.
Листы опали,
На землю пали.
Надежды были,
Да нет их ныне.
Ответь мне, время,
Куда пропали
Цветы,
Пылавшие в той долине?
Озера кажутся
Мне глазами,
Но их улыбка
Полна печали.
А где же радость?
Не знаем сами...
Была вначале,
Была вначале.
Ответь мне, время,
Когда успело
Мои ты волосы
Украсить проседью?
Вначале сердце
Цвело и пело —
Весной загадка,
Разгадка осенью.
Иду, уставший,
Осенней пашнею,
Встречаюсь взглядом
С тонкой рябиною —
Все вспоминаю
Тебя, пропавшая,
Тебя, ушедшая,
Тебя, любимая.

1964

* * *

Вдруг облако
Тебя напомнит живо,
Твой профиль,
Чуть размытый высотой.

Но облака —
Они так прихотливы:
Минута — и растаял образ твой.

Я взгляд свой
К облакам летучим поднял.
Они уходят.
Я гляжу им вслед.

Нет никого на свете их свободней,
И никого изменчивей их нет.

Летят они по повеленью ветра,
Почти неслышно крыльями шурша.

И музыкой,
Печальной
И светлой,
Им чутко отзывается душа...

1964

СВЕТ
ТВОИХ ГЛАЗ

В далеких мирах
Душою живу.
И смерти в глаза
Смотреть не боюсь.
Дельфин в океане —
И я поплыву,
Бросаюсь в волну,
Волной становлюсь.
И снится мне вновь
Тот неведомый край,
А где-то вдали
Голубая земля.
А там, на земле, —
Расцветающий май,
Шумят на ветру
Золотые поля.
Промчусь среди звезд
Одинокой звездой.
Кометой сгорю
Среди белого дня.
Заботы пройдут
Своей чередой,
И радость и горе
Оставят меня.
Любимая, знай:
Возьму я с собой
Лишь свет твоих глаз,
Свет голубой,
Лишь все твои сны,
Да еще я возьму
Кедровую шишку
И ветку сосны.

1964

Мигает издали маяк,
Таинственный и одинокий.
Он подает нам добрый знак,
Мы курс берем на свет далекий.
Чужое море,
Тьма вокруг.
И встреча с мелями опасна.
Маяк в ночи — наш верный друг,
И мы волнуемся напрасно..
Я думаю, нельзя никак
Жить одному на этом свете.
Мой друг погиб.
Но, как маяк,
Мне в жизни сердце друга светит.

1964

ОСЕНЬ
В ГОРАХ

И зачем я брожу
По туманным горам?
Мои думы ношу
К голубым облакам?

Или где-то на круче
Ищу, одиноч,
Возле кедров могучих
Волшебный цветок?

Он лишь в сказках да в снах..
Просто лист золотой

Осыпает в горах
Березняк молодой.

Просто белый туман
Лег в низине седой,
Журавлей караван
Потянулся домой.

С гор спустились стада
В край туманных долин.
Остаюсь я один,
Остаюсь я один.

А в ушах вековая
Звенит тишина,
Лишь речонка шальная
Щебечет одна.

Как лесная синица:
— Куда ты? Куда? —
Будто в ней и таится
Живая вода...

Осень. Ясности время.
Даль тиха и светла.
Горы медные дремлют,
Будто колокола.

Ни снегов, ни тумана,
Лишь бронза осин.
Только дрогнет вдруг странно
Стеклянная синь,

Будто гуд разольется,
Прозрачен и чист,
И к плечу прикоснется
Сорвавшийся лист.

Словно дрогнула где-то,
Лишь сердцу слышна,
Уходящего лета
Тугая струна...

1966

В СЕРДЦЕ МОЕМ

Что там, в сердце моем,
В тесной клетке грудной?
Тишина или гром?
Сумрак? Свет неземной?
Дикой бури вытье —
Или нежность и гладь?
Это дело мое.
Вам об этом не знать.
Подождите, друзья,
Отойдите, друзья:
Эта радость — моя,
Эта мука — моя.

Я живу, я люблю —
И любовью богат.
Вот, встречая, ловлю
Милой женщины взгляд.
Вот в глаза ей смотрю —
В черноту, в глубину —
И тону, и горю,
И горю, и тону!
Но не выдам себя
Ни сегодня, ни впредь:
Буду, втайне любя,
Так спокойно смотреть.

Пусть болит неспроста
Сердце, сжавшись в комок, —
Замыкаю уста
На тяжелый замок.
Эту радость мою,
Эту муку мою
Я в себе затаю,
Я не вы-бол-та-ю!
Крепко, крепко зажму,
Зауздаю уздой —
Никогда, никому
Пусть не станет бедой!

Но пока мы живем —
Тот огонь не гашу:
Тайно в сердце своем
Я его проношу.

Пусть не гаснет огонь —
Чтоб незримый, как ток.
Из ладони в ладонь
Он при встрече протек.
Не взыщите, друзья,
Помолчите, друзья:
Эта радость — моя,
Эта мука — моя.
Не вторгайтесь, спеша,
Мил я вам иль не мил —
Ведь любая душа —
Это мир! Целый мир!

1977

ПРИДЕТ ВЕСНА

Придет весна, печаль мою развеет,
Взломает в реках почерневший лед,
И молодой рассвет зарозовеет,
И солнце новой радости взойдет.

Цветами вновь покроется опушка,
Где нынче снег томительно кружит.
И сядет на плечо мое кукушка
И много-много лет наворожит.

И дали ей откликнутся и, вторя,
Порадуются, чуткие, со мной,
И эта радость пересилит горе,
И станет вновь светлей весь мир земной.

У самой тропки встанут эдельвейсы...
И я прошу меня не осудить,
Что не спешу в космические рейсы:
Мне по земле охота побродить.

Бродить в горах задумчивых и вечных,
Касаясь трав и молодых ветвей
И прозревая в добрых людях встречных
Живую душу Родины своей, —

Вот в это счастье сердце крепко верит.
И пусть пока на реках толстый лед —
Придет весна, печаль мою согреет,
И солнце новой радости взойдет!

1978

НАША ЛОДКА

Цветок с рассветом тихо раскрывался,
И чашечка была полна росы,
А я тобой и миром любовался —
И забывался,
Тебя я ждал, не глядя на часы.

Была сама ты на цветок похожа —
Банальное сравненье, извини!
Как розовела матовая кожа!
И тоже
Ты расцвела, раскрылась в эти дни.

Не зря то утро в памяти осталось —
Его переживая вновь и вновь:
Легко ты шла, земли едва касаясь,
И, мне казалось,
Не думала, что в мире есть любовь.

У берега покачивалась лодка,
«Садись, поедем!» — вдруг я произнес.
И ты сошла доверчиво и кротко.
Я помню четко
Твои глаза, улыбку, прядь волос...

Несло течение нас по речке чистой,
Я кое-как умел еще грести,
Молчал об этом, как мужчина истый,
Но каменистый
Порог, шумя, открылся на пути!

Ты вскрикнула, и вдруг ко мне прижалась,
И от меня отпрянула не вдруг,
И в этот миг душа с душой сближалась,
Любовь рождалась —
Помог ей твой божественный испуг.

Я налегал на весла. Нас кренило.
Но вот и берег. Минула беда.
Но что-то нас уже соединило.
Объединило
Какой-то общей тайной навсегда.

Не оплошал за веслами тогда я,
Но... лодка жизни и большой любви,
Как с веслами твоими совладаю?
Не угадаю!
И все-таки — плыви, плыви, плыви...

1978

* * *

Завернусь я однажды
По плечи в пургу
И умчусь привидением
В горы, в тайгу.
Как изгнанник,
Покину я город родной —
Пусть заносит поземка
Дорогу за мной.
Кто там хватится
Вечером вьюжным меня,
Будет ждать,
Не гая до рассвета огня?
Может, только черемуха
Вспомнит весной
Давний вечер,
Что в сердце унес я с собой.
Но и этой дорогой
Промчится марал,

Чтобы бросить луну
Вниз, на выступы скал!
Чтобы пыль серебром
Поднялась над горой
И засыпала снегом
Тропинку за мной.

1968

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Вот лебеди мои, свершив прощальный круг,
Торопятся уже, торопятся на юг.
И долго-долго вдаль, на улетевших птиц,
Глядят глаза озер сквозь тростники ресниц.
И сердце сжалось вдруг, как будто вдруг оно,
Как озеро в горах, оставлено одно.
И стало на душе, как в мрачный день в лесу,
Когда сбивает дождь прозрачную росу.
Но как лебяжий пух, наверно мне назло,
Кружится белый снег, и все вокруг светло.
И горы высоки, и бел их крыльев лед,
Да только нелегко подняться им в полет,
Бела моя тропа, и даль вокруг ясна,
Но милая весна, вернется ли она?
И все же я иду, не устаю идти,
Как будто кто-то ждет меня в конце пути.
Чтоб грусть мою делить, чтоб птиц моих вернуть,
Но... снег у ног моих ложится отдохнуть.
Лишь долго-долго вдаль глядят глаза озер:
Вдруг лебеди мои вернутся из-за гор...

1967

Ты улетишь за горные хребты —
Тебя зовут семья твоя и дело,
Но те слова, что мне сказала ты,
Не увезешь, хотя б и захотела.

Покинув мой Алтай, где синь снегов
Над нами в чистом воздухе парила,
Ты мне прощальный звук своих шагов
На память ненароком подарила.

Твои слова — я буду их твердить,
Шаги — я буду слушать их печально,
И кто меня сумеет убедить,
Что эта память нематериальна?

Все это существует и живет
И для меня сейчас так много значит!..
Я стисну зубы: пусть и наперед
Никто не видит, как мужчина плачет.

А завтра я пойду, нетороплив,
По улице знакомой на работу
И прикурю у друга в перерыв,
Смеясь очередному анекдоту.

Одна, быть может, верная жена
С тревогой поглядит — но дело свято:
Напрасно беспокоится она —
Я не виновен, ты не виновата.

Ты честно убегала от любви,
И от себя, и от меня в придачу.
Спокойно, с чистой совестью живи,
Не плачь о нас. Ты видишь, я не плачу.

Лишь теплым, тихим вечером порой,
А может быть, и в непогодь сырую
К седой сосне с морщинистой корой
Щекой прижмусь и вместе погорюю.

О чем? Не знаю. Я и сам себе
Иной судьбы на свете не желаю,
Но все твои слова — в моей судьбе,
И я тебя за них благословляю...

1978

ЖИЗНЬ

Друг, не печалься, как в осень березы,
Ветром оборванные до листка!
Даже в страдании, даже сквозь слезы
Радуйся жизни — ведь жизнь коротка.

Это не радость великая разве —
В жизнь окунуться, в могучий поток?
Если цветок возникает над грязью,
Будем смотреть не на грязь — на цветок.

Птицы домой возвращаются с юга —
Будем горды после долгой зимы
Тем, что к вращению вечного круга
С птицами вместе причастны и мы.

Жизнь коротка — но про это не станем
С видом унылым твердить без конца:
Птицу по имени Радость заманим
В наши открытые свету сердца.

Разве бессмертие мы не вкусили,
Если в обычной жизни людской
В прошлом и в будущем мыслью гостили,
Солнца коснулись бесстрашной рукой?

1977

АЛМА-АТИНСКИЕ НОЧИ

В немую синь небес
Алма-атинской ночи
Слова твои умчал
Полночный ветер вмиг.
Как две живых звезды
Мерцают влажно очи,
И — что там в темноте? —
Фонтан, ручей, родник...
Шуми, ночной фонтан,
И небеса — светите!
Мне слышится в ночи
Созвездий легкий звон —
Так каблучки стучат
Твои, о Нефертити,
И волосы твои
Превыше всех корон.

Усмешку, радость, грусть
Укрыли, затаили —
Я жду, когда взойдет
Прекрасный, милый взор.
Ресниц твоих густых
Неслышимые крылья
Взлетят легко, и вновь
Безмолвный разговор

Продлится. Сень ветвей
Невидимого клена
И — тихий — наших лиц
Невидимый огонь...
Ты слышишь: жизнь идет —
Огромно и бессонно,
И эта ночь тепла,
Как вечности ладонь.
О чем твои сады
Полночные бормочут,
О чем толкует клен,
О чем звенит звезда?
Быть может, это песнь
Алма-атинской ночи
О том, что ты уйдешь
Сегодня навсегда...
Последней ночи песнь!
Прощальный плеск фонтана.
Стук легких каблучков.
Прощальный шелест слов...
Уходишь в сердце ты —
Неведома, желанна,
Отныне ты — звезда
Моих усталых снов...

1973

АЛТАЙСКИЕ ДЕВУШКИ

То ли это утро —
Песни петь охота,
То ль без ваших песен
Утро не начнется?

То ль без ваших песен
Не идет работа,
То ли без работы
Что-то не поется?

Вы скажите, девушки,
Алтайские девушки!

Горы задремали.
Что им ночью снится?
Только вашей песне
По ночам не спится.
И, проснувшись, горы
Песне подпевают,
Каменные губы
Тихо разжимают.

То ли ваши песни
К нам весну приводят,
То ли песня в сердце
Лишь весной приходит?
То ль цветы от песен
В поле расцветают,
То ли они сами
Песни распевают?
Вы видели, девушки,
А я не видел, девушки!
Лишь следы я видел
На траве росистой,
Да вдали я слышал
Голос серебристый.

Милые вы девушки,
С гор алтайских девушки!..

То ль от песен солнце
Жарче в поднебесье,
То ли это солнце
Разжигает кровь?
То ль любовь приходит
И приводит песни,
То ли ваши песни
Привели любовь?

Я не знаю, девушки.
Вы знаете, девушки...

1965

* * *

Мне кажется, что я один на свете.
Совсем один
Под белою зимой.
И дует бесприютный снежный ветер
Не по земле,
А по душе самой.
И падают густые хлопья снега
На сердце обнаженное мое...

Но день придет,
И станет синим небо,
Весна над головою запоет.
И, зимние оковы разрывая,
С земли цветок привстанет голубой.
Тогда в горах далеких Толубая
Я встречу обязательно с тобой!

Но этот день настанет так не скоро...
И я, как одинокий кедр, стою,
Вокруг меня заснеженные горы,
И снег ложится на душу мою.

1965

СНИШЬСЯ

Ты по исчам
Опять со мной, любимая.
Пусть и во сне —
Ты все равно со мной,
Единственная и неповторимая,
Как той неповторимую весной.
Целую я тебя, и плакать хочется
От счастья, что по-прежнему живу!
Но и во сне
О том, что счастье кончится,
Я знаю так же, как и наяву.
А ты мне улыбаешься доверчиво,
Как можешь улыбаться только ты.
И день стоит. И далеко до вечера,
И светятся весенние цветы.
Как мать моя своим богам молилась
В безграмотные годы старины,
Молю тебя:
«Ну, окажи мне милость,
Не приходи, не возвращайся в сны!»
Но нету от моей молитвы толку.
К бессрочной муке я приговорен:
Любимым быть — и знать, что все недолго,
Любить тебя — и знать, что это сон.

1964

По весне чернели дороги,
И чего-то дороги ждали.
Так стремительно и бесшумно
Время волны свои катило.
Уходил я по тем дорогам,
И следы мои пропадали.
И девчонка мне вслед смотрела.
Это снится мне или было?

Как начнут снежинки кружиться
Над дорогой ранней весною,
Я шагаю по черной дороге,
Я опять тороплюсь куда-то.
Оглянусь и вижу мальчишку.
Он торопится вслед за мною,
И снежинки над ними кружатся,
Как кружились они когда-то...

1964

ИЗ ОКНА ПОЕЗДА

Помахав последней электричке,
Я стоял на станции пустой.
Думал, на ветру ломая спички,
О жестокой девушке, о той,

Ныне — и прощенной, и забытой.
Обманула. Не пришла тогда.

Что тут скажешь? Стой, кури, завидуй
Тем, кого умчали поезда.

Им — войти в дома, в тепло уюта,
Встретить губы ласковых подруг...
Годы пролетели, как минуты,
В самом скором ехал я — и вдруг:

Вот он, тот вокзал на полустанке,
Тусклая двойная колея!
Маленький, в заснеженной ушанке,
Кто стоял там? Неужели я?

Может, тот, на станции стоящий,
Любящий, страдающий без фраз —
Я и есть, но лучший, настоящий,
Искренней гораздо, чем сейчас.

Может быть, не я — другой по свету
Мечется, меняя поезда?
Может, я себя утратил где-то?
...Мчат, спешат вагоны, как тогда.

1964

* * *

Буду тенью я, чтоб идти с тобой.
Буду крыльями тебе за спиной,
А прогонишь прочь,
Есть меж синних гор
Голубая степь с травой голубой.

Если станет мне одиноко там,
Я уйду к хребтам слушать ветра вой.
Упаду на снег, как на белый луг, —
Только белые облака грядой
Пусть к груди моей прикасаются.
Пусть плывут себе, не прощаются —
Я останусь здесь со своей тоской,
У вершин моих,
Под моей звездой.

1968

* * *

Ах, сердце, и что твое пламя
Под долгим рассудка дождем!
Но угли так медленно тлеют
На донышке самом твоём.

Ах, сердце, как ночь бесконечна,
Когда ж засинеет в окне?
Меня позабывший товарищ
Вдруг снова приснился во сне.

1967

* * *

Расставлено сегодня на столе
Все, что для праздника я приберегаю,
Но звон до срока дремлет в хрустале,
И свет покуда я не зажигаю.

Твое лицо сегодня светит мне
Да лунный свет, стекающий по граням
Высоких чаш...

О чем же в тишине
На этот раз беседовать мы станем?

Давай с тобой о прошлом говорить,
Недавнем, но уже невозвратимом.
...Я трудно жил — мне этого не скрыть,
Был нелюбимым чаще, чем любимым.

Я легких не одерживал побед,
Бывал нередко и смущен, и скован,
Но ты пришла — и хлынул новый свет,
Я околдован... или расколдован?

Но оказалось: я тебя искал!
И оказалось: ты меня искала!
Ты молча поднимаешь свой бокал,
И над столом сдвигаются бокалы —

Подобье двух прозрачных, легких льдин.
Но не звенят — проходят друг сквозь друга...
И пуст мой стол, и я опять один,
И далеко желанная подруга!

1974

НА БЕРЕГУ
БОСФОРА

Осенние ли это листопады,
Разлука ль с другом —
Что такое грусть? —
Когда ушел,
Шурша листвою палой,
Он вдаль...
Судить об этом не берусь.
Быть может, это —
Где-то на чужбине
Потребность вновь увидеть
Отчий дом,
Услышать речь,
Которую забыли,
Язык — воскресший
В памяти с трудом?
Ведь даже там,
Где и зимой, и летом
Пейзажи,
Словно в сказке, хороши,
Где медом ваша жизнь текла
И млеко —
Не вычеркнешь Отчизну
Из души.
Она — не рай! —
Ваш край, снегами щедрый,
С чредою гор,
Хранящих вечный лед,
С разлапистым,
Зайндевевшим кедром —
Перед глазами вашими
Встает...
На берегу Босфора,

В сладком веянье
Садов,
Со мной по-русски человек
Заговорил в минуту откровенья:
— Теперь у вас, в России,
Верно — снег! —
То ветер ли,
Дошедший из России,
Идущие оттуда корабли? —
Но только он,
Тоски сдержать не в силе,
Припомнил вдруг
Снега родной земли.
Я удивился:
— К нам пути-дороги
Открыты всем! —
Но он махнул рукой...
Кто он? кем был тогда —
В иные сроки?
И отрешен от нас
Виной какой?
Не бывший ли,
Не офицер ли белый?
Убитый ли раскаяньем
Подлец?
Но путь заказан
В отчие пределы:
Порой людские судьбы —
Темный лес...
Мы ни о чем
Друг друга не спросили.
Вдоль набережной,
Поклонившись мне,
В душе тоскуя
О снегах России,
Ушел он.

Русский.
Бывший.
В седине...
А я в портовом
Грохоте и гуле
Стоял и думал:
Что такое грусть?
Я думал
В старом городе Стамбуле
О Родине моей —
Куда вернусь!

Есть мелкие потери.
Но — бездонна
Потеря
Для утративших страну!
Вслед старику
Глядел я долго-долго,
Поняв его утраты
Глубину.

1964

ВЫСОКАЯ ЗЕМЛЯ

Кругом цветы небесной синевы
Стояли в рост среди ночной травы
И домики свои не запирали —
Так светел был в ту ночь земной простор!
Склонялись мы к живой воде озер
И звездный блеск в ладони собирали.

Садилась в лодку. Плыли при луне
По лунной, словно бронзовой, волне, —
О, пусть же эта ночь продлится доле!

Была ты, словно пихточка, стройна,
Входила этой ночи глубина
В глаза твои, любимые до боли.

Там не слышны в горах гудки машин...
Там я руками трогал снег вершин —
Он в чутких водах четко отражался.
«Твой нежный локон, черный, точно смоль,
Мне приласкать, любимая, позволь!» —
Хотел сказать я вслух — и не решался.

Тебя во сне поныне вижу я,
Застенчивая девочка моя,
На том высоком горном перевале,
Где свет струился дымно-голубой,
Где эдельвейсы, схожие с тобой,
Прекрасные и чистые вставали.

Не слышали мы, как часы спешат,
Но слышали, как облака шуршат,
У нас над головами пролетая!
Прекрасна жизнь, в которой есть цветы,
Прекрасен мир, где существуешь ты,
О дорогая девочка Алтая!

1970

КОЛДОВСКОЕ ДЕРЕВО

Слышал я: в таежной дальней чаще,
Где безбрежный сумрак распростерт, —
В той глуши, таинственно молчащей,
Колдовское дерево растет.

Кто с него хоть веточку срубает —
Власть берет над жизнью и судьбой:
Пожелай — красавица любая
Вслед пойдет покорно за тобой.

Только знай, за счастьем в путь пустившись:
С каждой веткой, рухнувшей на снег,
Умирает, за сердце схватившись,
Где-то в мире добрый человек.

Я живу, не ведая покоя,
Долго, трудно, трепетно люблю,
Но коль встречу дерево такое —
Ни сучка, ни ветки не срублю.

Чем любви такой ценой добиться,
Счастье взять с проклятьем пополам,
Лучше в бурю стать бездомной птицей,
Диким зверем рыскать по горам.

1963

* * *

Я зову духов гор,
Осиянный зарей,
Только духи не слышат
Мой голос людской.
Лишь на белых вершинах
Сверкают снега,
Лишь звенит под ногами
Струна родника.
Да змеится, как лента,
Дорога в безмолвной дали,

По которой когда-то
В безвестие предки ушли.
Это Ээн-Учук,
Это Эль-Бабырган¹ —
Там страна моих предков
Ютилась меж стран.
Голубому
Священному волку молясь,
Где-то тюрки по ней
Проходили не раз.
Оставляя курганы
Из свежей земли,
Там адыпы² Алтая
Костьюми полегли.
О, как много могил
В этих древних горах!
Золотые мечи
При истлевших костях.
О, как много преданий
Хранит голова!
Только в век космонавтов
Смешны их слова.
Так зачем же я духов
Старинных зову?
Лучше слушать родник,
Лучше слышать листву.
Но и листья —
Прислушайся к шепоту их —
Говорят о героях,
О битвах былых,
Об Алтай-Ээзи³ —
О хозяине гор,

¹ Ээн-Учук и Эль-Бабырган — горы на границе с алтайскими степями.

² Адыпы — витязь, военачальник.

³ Алтай-Ээзи — дух хозяин алтайских гор.

Что берег для алтайцев
Алтайский простор.
На вершине Тугая
Стою я опять —
Мне хотя бы туманом
Мой край прикрывать..

1969

ДРУГУ

Друг, тают вновь снега, и я с весною
Всю жизнь мою припоминаю вновь,
Припоминаю детство озорное,
И первый стих, и первую любовь!

Все, что забыто и полузабыто,
Оживлено дыханием весны,
И двери, что давным-давно забиты,
Сегодня широко растворены.

И трепетом душа моя объята:
Неужто наши думы и труды
Когда-нибудь растают без возврата,
Как нынче наши зимние следы?

Нет, все-таки мы прожили не даром:
Под солнцем лета и в снегах зимы
Назло любым подножкам и ударам
В людское братство веровали мы!

Трудились мы с тобой не ради славы,
И с нами — все товарищи-друзья,
А в чем мы были правы, в чем неправы —
Нам только Жизнь воистину судья.

Холодный ветер дул с жестокой силой,
Не обошлось без горестных потерь:
Был с нами третий — над его могилой
Уж не одна отплакала метель.

И все ж не зря мы пройденным гордимся,
И нам еще в отставку не пора:
Как прежде, друг мой, мы еще годимся
В шеренгу храбрых рыцарей Добра!

Пусть не всегда над нами небо ясно,
Но жизнь нам не наскучила пока.
Мы повторяем, что она прекрасна —
Деревья, горы, солнце, облака!

И вольные над миром птичьи стаи,
И звуки песни, древней и родной,
И нежная, сердечная, простая
Улыбка милой женщины одной.

О сердце, сердце, что с тобою случилось,
Комочек мышц величиной с кулак?
Когда-то навсегда очаровалось —
И не разочаруешься никак!

ПОЭМЫ

БРОНЗОВОЕ ЗЕРКАЛО

Это зеркало ханьское¹, Базырыкский курган,
Как попало оно на Алтай, в Улаган?
Кто его смастерил? Кто своей красотой
Любоваться хотел и за смертной чертой?

Молчаливая бронза далекой страны.
Только шелест травы, только звон тишины...

По гобийской пустыне, качаясь в пыли,
Шел большой караван из далекой земли.
Над могучей двугорбой верблюжьей спиной
Цвел на красном песке балдахин голубой,
И под ним, от палящих скрываясь лучей,
Горевала принцесса с служанкой своей.
Далеко-далеко за Великой стеной
Оставляла принцесса дворец золотой,
Где отец-повелитель, труслив и жесток,
Стать женой чужеземца принцессу обрек,

¹ Имеется в виду зеркало из древнекитайского царства Хань, найденное при раскопках одного из Базырыкских курганов на Алтае.

Чтоб кочевников диких смирить племена,
Будет хана ласкать молодая жена...

Драгоценного зеркала гладкий металл,
Сколько раз он девичью слезу отражал!
Сколько раз ей казалось жемчужной петлей
Ожерелье на шее ее молодой,
И блестела порой дорогая парча,
Как отточенный остро клинок палача.
Для чего ей небесного цвета шелка
В пропыленной кибитке того степняка?
Будто лотоса южного нежный побег,
Там замерзнет она и погибнет навек.
Там, в зеленых садах полуденной страны,
Расцветают лишь дочери старшей жены.
Там — интриги и зависть, там — месть и хула.
И зачем она в ханском дворце расцвела!

Но служанка у ног госпожи молодой
Утешала красавицу речью иной:
«Я слыхала, владыка племен Кун-Тенгри —
Витязь смелый и ликом яснее зари.
Был извечным врагом он для ханских царей,
Будет верным щитом он отчизне твоей.
И властители всех согдьянских племен¹
Не к тебе ли с дарами придут на поклон?
Иероглифом красным в столицу отца
Твое имя в людские запишут сердца,
И не Лунным Цветком, а Полярной Звездой
Будут звать тебя люди за подвиг такой».

Но молчала принцесса, тиха и грустна:
Кто там вспомнит ее? Позабыта она.

¹ Согдьянские племена — согдицы — древняя народность Средней Азии и Казахстана.

От бархана к бархану и вновь на бархан
По гобийской пустыне идет караван.
Только солнце палит от зари до зари,
И не видно священной Алтайской горы.
То ли холм там краснеет над красным песком,
То ли облако тлеет на небе пустом?
Только где-то над жаркою гранью земли
Одинокая тень голубеет вдали.
Только чудится где-то бассейн голубой —
Дно из яшмы зеленой, фонтан над водой,
Золотистые рыбки лениво плывут...
Но качается мерно усталый верблюд,
И шатается в седлах охраны отряд —
Где-то кони храпят, где-то латы стучат,
И кайчи-чужеземец весь день напролет
Непонятную песню устало поет.

Вот и вечер. К подножью оранжевых гор
Белоснежный принцессе поставлен шатер,
И посол императора, льстец и хитрец,
Достает, улыбаясь, с дарами ларец.
Дипломат и вельможка, в чехле борода,
Много золота старый припрятал туда —
Знает, видно, чиновник — подарки в цене
В той далекой кочевничьей, дикой стране.
А вокруг дорогого принцессы шатра
Стелет ветер дымы от костра до костра,
Кони ржут, и темнеют верблюды в ночи,
И пред белым двенадцатикрылым шатром
Громко в бубны колотят жрецы над огнем.
Вот стоит колесница, команды звучат,
Вот простерт коридор меж рядами солдат,
Вот принцессу к шатру сквозь застывший их

строй

Осторожно ведут по дороге прямой,
И немые служанки несут перед ней

Легкий шелковый занавес, неба синей.
Вот опущена ткань, и стоит впереди
Сам владыка. И солнце блестит на груди!

Но туманится зеркала бронза в руке,
И уже не понять мне, что там, вдалеке...

* * *

На Алтае завьюженном долгие, точно века,
За дворцовыми окнами пухлые дремлют
снега.

То закат заалест, то бледный синее
рассвет —

Молчаливой принцессе немилого неба привет.
Топчут земли чужие копыта коней
Кун-Тенгри,

И горит за горами далекое пламя зари...
А в гобийских песках из далекой страны
Караваны спешат, не дождавшись весны.
И фарфор, и ковры, и шелка всех цветов —
Все купец расторопный доставить готов.
И поет свои древние песни кайчи,
Караулы стоят на окрестных холмах,
Безучастные звезды блестят в небесах.
И кольчуги звенят, и дымятся котлы,
И в кромешной ночи только лица светлы.
А в шатре у принцессы задумчивый взгляд,
И сверкают алмазы при свете свечей
Над застывшими крыльями тонких бровей.

Базырыкских курганов невятная речь,
Как постичь мне тебя, как потомкам сберечь?
Будто желтый пергамент минувших веков
Закрывает значки неразборчивых слов:
«Два народа живут в полуночной земле.

Называют их люди Тю-ку и Теле¹.
Ходят в грубых овчинах, кочуют в степях,
Но бесстрашны они и искусны в боях.
В год Змеи, точно смерч, налетала орда
И сравнивала с землей на земле города...»
Только слышится мне, как далекий набат, —
Где-то бубны стучат, где-то люди кричат,
И плывут с колесницей своей золотой
Белоснежные кони над синей травой.
И долина черна от людей и коней,
И охрипшие всадники мчатся по ней,
И принцесса, в соболя зарывшись меха,
Смотрит в красные лица, от страха тиха.
И огнистою медью сверкают котлы,
И дымят, как предвестие пира, костры,
И улыбка не сходит с лица у купца,
Только знает принцесса коварство отца,
Только видит принцесса — не шелк, не вино,
Не купцов, а лазутчиков шлют к ней давно,
Чтобы сеять вражду, разделять племена,
Чтобы трон Кун-Тенгри подкосила война.
Но смеется принцессе в лицо Кун-Тенгри
И, целуя клинок, говорит: «Посмотри!
Нет на свете царей, чтоб тягаться со мной —
Пусть дрожат тагбачи² за Великой стеной!»
Но опять, беспокойная, шепчет жена,
Что рука у отца жестока и длинна,
Что стрела ядовита, что тайный клинок
Может в сердце ударить в назначенный срок.
Но владыка на троне не слушает жен.
От походов устав, наслаждается он —
Пьет вино и, сойдя на ковер дорогой,
Рыжих пленниц хмельною ласкает рукой.
А как стают снега, вновь — в седло и в поход,

¹ Тю-ку, Теле — предки тюрских племен

² Тагбачи — китайцы (орвенетюрск.)

Он тюмены¹ свои на соседей ведет.
То из Гоби-Алтая несутся гонцы,
То он где-то согдийские рушит дворцы,
То принцессе из гиперборейской страны
Золотого барана везут скакуны.
И в завьюженной юрте певучей строкой
Славит храбрость владыки сказитель седой.

* * *

Вот и снова приходит зима в Улаган,
Белый снег засыпает разрытый курган,
И бледнеют, и меркнут, и гаснут вдали
Золотые видения древней земли.

Отгорели костры, отзвенели клинки,
И снялись, точно птицы тихи и легки,
И исчезли за тлеющей кромкой зари,
Растворились в веках племени Кун-Тенгри,
А в горах Улагана бушует пурга,
И на белых вершинах дымятся снега.
Только лунною ночью, как будто сквозь сон,
Вдруг послышится где-то таинственный звон,
Будто кони волшебные манят меня,
Золотыми уздечками тихо звеня,
И, атласные гривы взметнув на бегу,
Исчезают, как тени, на синем снегу.
Лишь далекое ржанье сквозь ветер звенит:
—Ты поймай нас, телес, ты верни нас,

иркит²! —

И хохочет в горах, далека-далека,
Над седым Улаганом ночная пурга.

1967

¹ Тюмен — десять тысяч воинов.

² Телес и иркиты — древнейшие племена Алтая.

ДУМЫ ЧАБАНА

I

Ой, вершины поседали!
Там метелица метет,
Кедры старые и ели
Держат снега легкий гнет.

И, гонимый непогодой,
Покидая летний стан,
Пожилой, седебородый
С гор спускается чабан.

На высоком перевале
Опустел его аил,
Глядя в сумрачные дали,
Грусть глубоко затаил.

В дымоход снежок влетает,
Вьется, словно мошкара,
И сугробик вырастает,
Где горел очаг вчера.

Но зато в селе, в долине,
Ожил маленький домок.
Легкий, тоненький и синий
Из трубы пустил дымок.

Засветилось желтым светом
Невысокое окно.
Пустовавший долгим летом
Дом соскучился давно.

По хозяину седому,
По ворчанью, табаку...
И хозяин тоже дому
Рад, как старому другу!

Овцы сгрудились в кошаре —
Стены здесь им не тесны:
Теплой хмари надышали
И глядят овечьи сны.

Тихо. Глухо. Лишь во мраке
Огоньки в селе дрожат,
Лишь от холода собаки
Лают громко и визжат.

А чабан сидит, спокоен,
Чай покрепче вскипятит,
Поседел бывалый воин,
Но покуда полон сил.

Даже вроде поредела
Сеть морщинок на челе,
Только раны то и дело
Ноют, старые, в тепле.

II

Все гудит огонь в печурке,
Смотрит, щурится старик,
Будто с кем играет в жмурки,
Вспомнив детство в этот миг.

Бродит ветер за кошарой,
Тени ходят по стене,

Головой качает старый,
Улыбаясь в полусне.

Видно, сон ему приятен.
Снится: горы зелены,
Он красив, он молод, статен,
Он вчера пришел с войны.

На груди звенят медали,
Полыхают ордена.
Молодая, в яркой шали,
Рядом с ним стоит жена.

Он взволнованно и тихо
Шепчет ей слова любви,
И гарцует рядом лихо
Конь — поди останови!

Длится радость, не кончаясь, —
Знать, не будет ей конца.
А цветы шуршат, качаясь
Возле самого лица.

Да к тому ж однополчанин,
Закадычный русский друг,
И негадан, и нечаян,
Заявился в гости вдруг.

Тот, с кем шли по нивам взрытым,
Фронтной делили быт,
Тот, кто числился убитым,
А выходит — не убит!

Свеж и ясен день весенний.
«Дай-ка ч кружечку плесну!»

Много было воскрешений
В ту победную весну!

«Хорошо, что мы живые!
Дружба старая крепка!»
Льется в кружки фронтовые
Огневая арака.

Но друзья не замечают
Силы-крепости ее —
Головами, знай, качают,
Вспоминают про свое.

Как дрались в огне и стуже,
Смерть в бою не раз поправ,
Как вели огонь «катюши»
На одной из переправ.

Как река вскипала — Висла
Называется она,
Как над Вислой этой висла
Дымовая пелена...

III

Дальше снится: дети малы,
Он в горах пасет овец,
Ясноглазый, щеки алы,
Сын кричит ему: — Отец!

Над лугами, над лесами
Встала радуга, пестра,
Блещет черными глазами
Рядом с мальчиком сестра.

«Сам не стар, детишки — рядом
Золотые времена!..»

Пробудясь, он долгим взглядом
Смотрит в стекла. Ночь темна.
Разыгравшись зло и грубо,
Воют лютые ветра.
Встал старик. На плечи — шуба.
Навестить овец пора.

На крыльцо чабан выходит
И, откинувши засов,
На овец фонарь наводит,
Беспокойных гладит псов:
«Ишь ведь лаять вам охота!
Или впрямь среди этой тьмы
Вам увидеть можно что-то,
Что не видим все же мы?
Что вас, верные, тревожит
Уж который раз подряд?
Вам почуялся, быть может,
Серый волк — ваш старший брат?
Или впрямь в ночных просторах,
Где мерцают огоньки,
Духи бродят, о которых
Нам твердили старики?
Кто ж такие — духи, черти?
Говорили: может быть,
Это души, после смерти
Обреченные бродить.
Не мешало б разобраться:
Почему в конце концов
Люди глупые боятся
Этих самых мертвецов?
Сколько раз, когда усталость
С ног валила на войне,

Рядом с мертвыми случилось
Нам забыться в тяжком сне.
Жизнь серьезней старых басен:
Пусть любая тьма кругом —
Что мертвец? Живой опасен,
Если стал тебе врагом!»

IV

Все сильнее ветер, злится.
Вновь уснуть бы невзначай —
Только старому не спится.
Топит печку. Греет чай.
Размышляет: «Как ни сетуй,
Вот и дожил до седин.
Почему же в осень эту
Здесь, в избушке, я один?»
И, хлебнув густого чаю,
Снова думает старик:
«Я-то здесь не заскучаю
Сам с собою. Я привык.
Все же дней провел без счета
Средь овец, листвы, травы..
О другом в душе забота:
Дети — счастливы ли вы?
Я хотел вам лучшей доли,
Я подарки вам дарил,
Всякий раз за двойку в школе,
Как положено, корил.
Не одной прогулки ради
Летом, в ясном свете дня,
Впереди себя и сзади
Я сажал вас на коня.
Всей семьей мы кочевали
По родным крутым горам,
Всей семьей мы начинали

Труд чабанский по утрам.
Но едва сентябрь примчится
И коснется поздних трав,
Я твердил: «Теперь — учиться!»
Или был я в чем не прав?

Старший мой — смысленный парень,
Несмотря на озорство!
Как не буду благодарен
Этой жизни за него?
Дерзким был — зато в ученье
Всюду ставился в пример...
А теперь в свое селенье
Не вернется: инженер!
Ведь не всем ходить с отарой —
В мире много всяких дел.
Чем же ты расстроен, старый?
Ты не этого хотел?

Дочка — врач. И тоже, тоже,
Как ни думай, ни гадай,
Никогда теперь, похоже,
Не вернется на Алтай.
А бывало, так любила
Кедров шум, альпийский луг...
Неужели все забыла,
Все чужим ей стало вдруг?
Нет, конечно: как нагрянет
Летом в отпуск, в край родной,
На родные горы глянет —
И становится иной,
Не «приезжей» — в самом деле
Здесьней девочкой, как встарь...
Но пройдет лишь две недели —
И — глядит на календарь!»

Ночь плывет. Пылает печка.
 Скоро утро. А пока —
 Как пугливая овечка,
 Сон бежит от старика.
 И кому-то, вспоминая,
 Он кивает: «Знаю сам,
 Велика страна родная —
 Есть куда лететь птенцам!
 Где-то ветер вздул погоду,
 Волны бесятся в ночи —
 Там ведет свою подлодку
 Сын — полковник — Адучи.
 На плечах его погоны,
 Словно крылышки, видны,
 Он — на службе Обороны,
 Он хранит покой страны.

Если надо, встретит смело
 Всех напрашенных гостей...
 Что сказать? Святое дело,
 В мире нет его святых...»
 Только в сердце ворохнется,
 Что теперь уж сын, считай,
 Разве к пенсии вернется
 На священный свой Алтай!

Светка — та актрисой стала.
 Тоже служба. Тоже хлеб.
 Знать, не зря, пока взрастала,
 У дочурки голос креп.
 Боевой была девчонкой
 И ровесников своих

Веселила песней звонкой,
Пляской радовала их.
Может, лучше бы завклубом
Оставалась на селе,
На Алтае, сердцу любом,
На родной своей земле?

Есть еще в Москве наследник...
Ах, давно ли, поглядишь,
Ткнувшись матери в передник,
Плакал горестно малыш.
А теперь-то — неземное
Выбрал дело и судьбу:
Смотрит на небо ночное
Через длинную трубу.
По небесной кровле шаря,
До которой не достать,
Не овец ему в отаре —
Звезды выпало считать.
Звезды, звезды — словно соли
Серебрянки на столе.
Что там ищут? Мало, что ли,
Дел осталось на земле?
Впрочем, что я, старый, знаю?
Грех судить со стороны.
Велика страна родная.
Все ей нужно. Все нужны».

VI

И раздумье овладело
С новой силой стариком.
Разжигает то и дело
Трубку жарким угольком.
Вспоминает не впервые
Разлетевшихся орлят.

Нет, не раны фронтовые
Это, кажется, болят,
Это — сердце. Что же кроме?
Он вздыхает тяжело:
«Младший сын еще при доме,
Он к друзьям ушел в село.
Упрекнешь ли парня в этом?
Тоже долго не бывал
На людях, он тоже летом
По горам чабановал.
Парень добрый — знает каждый,
Руки есть и голова,
Вот кому скажу однажды
Я прощальные слова!»

У огня старик склонился,
Снова тихо загрустил:
«Поскорей бы сын женился,
Ребятишек народил
Да и зажил бы, в растая
В деревенские дела,
Чтоб вовеки на Алтае
Наша кровь не умерла,
Чтобы те луга и дали,
Где отары мы пасли,
Невзначай не одичали,
Лесом вдруг не заросли!»
А табачный дым слонится,
Потихоньку ворожа,
В печь горящую струится —
Тяга нынче хороша...

VII

Снег в окне кружится шибко,
Мучит память чабана:

Может, в жизни есть ошибка?
Разберись-ка, где она!

Жил по совести и чести,
Не кривил душой вовек,
Был с людьми повсюду вместе,
Работающий человек.

Дети, дети... Что тут скажешь?
Хоть мудрейшего спроси —
Как сегодня их обяжешь:
«Здесь живи! Овец паси!»
И когда настанут сроки —
Как удержишь их, детей:
В мир просторный и широкий
Не закроешь им путей!
А путей манящих этих
Есть немало в наши дни...
Он, старик, уверен в детях,
Твердо знает, что они
В трудный час его не бросят —
Будет сыт, обут, одет...
Но себя он не попросит
Приютить на склоне лет.
Он отсюда не поедет
Ни в какие города:
Здесь родился — здесь и встретит
Час последний. И тогда
Он исчезнет, как сухая,
Пожелтевшая трава,
Жизнь ни в чем не упрская,
Ибо жизнь всегда права.
«Ну а если понимаешь,
Что права — зачем всю ночь,
Старый, голову ломаешь
Так, что сон уходит прочь?» —

Так себя он утешает,
Так себе он говорит.
А метель не утихает,
Трубка гаснет, не горит.
Да от холода собаки
Громко лают и визжат,
Да в рассветном полумраке
Огоньки в селе дрожат.
Ветер свищет громко, длинно,
И наохлились дома.
В погрустневшую долину
С гор спускается зима.

1972

СОДЕРЖАНИЕ

И БЛАГОДАРЕН СУДЬБЕ

Великое кочевье. <i>Перевод Э. Балашова</i>	3
Мой народ. <i>Перевод Е. Храмова</i>	4
Партийный билет. <i>Перевод И. Фонякова</i>	7
Человек. <i>Перевод И. Фонякова</i>	8
Планета. <i>Перевод И. Фонякова</i>	11
Алтайский эскадрон. <i>Перевод Е. Храмова</i>	12
Думы у Черного моря. <i>Перевод И. Фонякова</i>	14
Горная речка. <i>Перевод И. Фонякова</i>	15
«В пути, как факел, поднимаю Слово...» <i>Перевод И. Фонякова</i>	17
«Ночью птицы глухо кричат...» <i>Перевод</i> <i>А. Смольникова</i>	18
Мосму мальчику. <i>Перевод И. Фонякова</i>	19
«Когда я говорю: «О мой Алтай!...» <i>Перевод А. Смольникова</i>	21
Думы. <i>Перевод А. Смольникова</i>	22
Кочевники. <i>Перевод Е. Храмова</i>	23
Золотая кукушка. <i>Перевод Е. Храмова</i>	24
«О светлая Муза, взгляни на меня...» <i>Пере-</i> <i>вод А. Смольникова</i>	26
На берегу Иша. <i>Перевод А. Смольникова</i>	26
Аргонавты. <i>Перевод А. Смольникова</i>	28
Деревенская кузница. <i>Перевод А. Смольнико-</i> <i>ва</i>	29
Кайчи. <i>Перевод А. Смольникова</i>	30
«Вот я белой бумаги достал из стола...» <i>Пере-</i> <i>вод А. Смольникова</i>	32
Алексею Калкину. <i>Перевод И. Фонякова</i>	33
Я — майя. <i>Перевод А. Смольникова</i>	35
Весна. <i>Перевод А. Смольникова</i>	37
Лето. <i>Перевод И. Фонякова</i>	38
Осень. <i>Перевод А. Смольникова</i>	40

«Из грохочущих, дымных, больших городов...» <i>Перевод А. Смольникова</i>	41
Моя песня. <i>Перевод И. Фонякова</i>	43
Родная земля. <i>Перевод И. Фонякова</i>	43
Живая вода. <i>Перевод И. Фонякова</i>	45
Дочке. <i>Перевод И. Фонякова</i>	46
Весной. <i>Перевод И. Фонякова</i>	47
О картинах Гуркина. <i>Перевод И. Фочякова</i> <i>ва</i>	48
Есть неведомая связь. <i>Перевод И. Фонякова</i> <i>ва</i>	51
Гордое имя твое. <i>Перевод А. Смольникова</i>	53
Кедры гибнут. <i>Перевод Е. Храмова</i>	55
«Трубят маралы...» <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	56
Слово, сказанное людям. <i>Перевод А. Смольникова</i> <i>никова</i>	59
Алтайские богатыри. <i>Перевод А. Смольникова</i> <i>кова</i>	61
Конь. <i>Перевод А. Смольникова</i>	63

ЛИРА БРАТСТВА

Комус. <i>Перевод И. Фочякова</i>	65
Гоби-Алтай. <i>Перевод Е. Храмова</i>	68
Монгольскому акыну Имашхану. <i>Перевод</i> <i>А. Смольникова</i>	73
«Я их скажу, высокие слова...» <i>Перевод</i> <i>А. Смольникова</i>	76
Сергеевна. <i>Перевод А. Смольникова</i>	78
Фантазия. <i>Перевод И. Фочякова</i>	80
Акрополь. <i>Перевод И. Фонякова</i>	83
Художник и революция. <i>Перевод И. Фонякова</i> <i>кова</i>	84
Голос домбры. <i>Перевод А. Смольникова</i>	88
Кавказские горы. <i>Перевод А. Смольникова</i>	89

ОТБЛЕСК ПОЖАРОВ ВОЙНЫ

Без вести пропавший. Перевод И. Фонякова	91
Дорога. Перевод И. Фонякова	93
Женщины военных лет. Перевод Е. Стюарт	95
Песни комсомолок. Перевод А. Смольникова	98
Ружье. Перевод А. Смольникова	99
Деревья. Перевод А. Смольникова	101
Сон. Перевод А. Смольникова	102
Огни Москвы. Перевод И. Фонякова	104
«Здесь умирали вонны за нас...» Перевод С. Мнацаканяна	106

СТРОКИ НА ЛИСТЯХ

Катунь. Перевод И. Фонякова	108
«Я люблю тебя, Родина...» Перевод И. Фонякова	109
Провода. Перевод И. Фонякова	110
Синий вечер. Перевод Е. Стюарт	111
«В горах — джайляу. Колыбель моя...» Перевод И. Фонякова	111
«Вновь надо мною крики журавлей...» Перевод Е. Стюарт	112
У огня. Перевод Е. Стюарт	113
Далекий друг. Перевод И. Фонякова	114
«Мне глаза голубые, как волны Катуни...» Перевод И. Фонякова	116
Сомнение. Перевод А. Смольникова	117
«Годы, годы мои...» Перевод А. Смольникова	118
«Вот и стол мой накрыл я, как мог...» Перевод А. Смольникова	119
Друзьям. Перевод И. Фонякова	120
Ветер любви. Перевод И. Фонякова	122

Письмо на Родину. Перевод А. Плитченко	123
«Я разыскивал юность свою...» Перевод И. Фонякова	125
«Как приеду я снова домой...» Перевод А. Смольникова	126
Той. Перевод А. Смольникова	128
Нэлли. Перевод А. Смольникова	129
Зменная речка. Перевод А. Смольникова	131
Высота. Перевод А. Смольникова	133
Строки на листьях. Перевод И. Фонякова	134
Осень в горах. Перевод А. Смольникова	140
«Вдруг облако...» Перевод Е. Храмова	137
Свет твоих глаз. Перевод Э. Балашова	138
«Мигает издали маяк...» Перевод Э. Балашо- ва	140
Осень в горах. Перевод А. Смольникова	140
В сердце моем. Перевод И. Фонякова	142
Придет весна. Перевод И. Фонякова	144
Наша лодка. Перевод И. Фонякова	145
«Завернусь я однажды...» Перевод А. Смоль- никова	146
Осенняя элегия. Перевод А. Смольникова	147
«Ты улетишь за горные хребты...» Перевод А. Смольникова	148
Жизнь. Перевод И. Фонякова	149
Алма-атинские ночи. Перевод А. Плитченко	150
Алтайские девушки. Перевод Е. Храмова	151
«Мне кажется, что я один на свете...» Пере- вод Е. Храмова	153
Снишься. Перевод Е. Храмова	154
«По весне чернели дороги...» Перевод Е. Храмова	155
Из окна поезда. Перевод И. Фонякова	155
«Буду тенью я, чтоб идти с тобой...» Перевод Е. Храмова	156

«Ах, сердце, и что твое пламя...» Перевод А. Смольникова	158
«Расставлено сегодня на столе...» Перевод И. Фонякова	158
На берегу Босфора. Перевод Ю. Горди- енко	160
Высокая земля. Перевод И. Фонякова . . .	162
Колдовское дерево. Перевод И. Фонякова .	163
«Я зову духов гор...» Перевод А. Смольни- кова	164
Другу. Перевод И. Фонякова	165

ПОЭМЫ

Бронзовое зеркало. Перевод А. Смольнико- ва	168
Думы чабаана. Перевод И. Фонякова . . .	174

Аржан Адаров
(Владимир Оичинович Адаров)

ПУСТЬ ЖИВЕТ КЕДР
Стихотворения и поэмы

Рецензент Г. Серебряков
Редактор Г. Иванов
Художник К. Фадин
Художественный редактор В. Покусаев
Технический редактор В. Юрченко
Корректор Т. Моспан

ИБ № 2468. Сдано в набор 20.08.81. Подписано к печати 22.02.82. А07340. Формат 70х90/32. Гарнитура литер. Печать высокая. Бумага тип № 1. Усл. печ. л. 7,02. Усл. кр.-отт. 7,29. Уч.-изд. л. 7,64. Тираж 20 000 экз. Заказ 2337. Цена 1 руб.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

300012, г. Рязань, ул. Новая, д. 69/12
Рязанская областная типография.

10.04.17 в честь НДВ

принимается

Билеты и билеты
выдачи билетов
8730 утра

к шш - восточной

от 8 - А.ст.

25,00

-1-руб.

• СОВРЕМЕНИК •